

Убийственно просто

Автор:

Питер Джеймс

Убийственно просто

Питер Джеймс

Детектив Рой Грейс #1

Майкл Харрис – счастливый жених; свадьба через несколько дней. Однако, вместо того чтобы прощаться с холостой жизнью на отвязной вечеринке, он оказывается погребенным заживо. И руку к этому приложили его друзья, назначенные шаферами...

Рой Грейс – талантливый детектив с огромной дырой в душе. Он никак не может смириться с потерей жены. Когда к нему обращается невеста пропавшего Майкла, он, разумеется, не может спокойно отнестись к этому случаю несостоявшегося семейного счастья...

Питер Джеймс

Убийственно просто

Peter James

DEAD SIMPLE

Copyright © Really Scary Books / Peter James 2005. Roy Grace®, Grace®, DS Grace®, DI Grace® and Detective Superintendent Grace® are registered trademarks of Really

Scary Books Limited.

© Перевод. ООО «Центрполиграф», 2017

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Предисловие

Несмотря на то что, как правило, писатель работает в одиночку, эта книга никогда не увидела бы свет, не поделись со мной многие люди знаниями в самых разных областях. Им я и выражаю самую искреннюю признательность. Поистине бесценной стала для меня помощь суперинтенданта уголовного розыска Дэйва Гейлора, который внес немало интересных предложений по сюжету, многократно перечитывая рукопись романа на разных стадиях, а также подробно ознакомил меня с методами работы полиции Сассекса. Многие сотрудники полиции Сассекса отнеслись ко мне весьма радушно и терпеливо отвечали на мои многочисленные вопросы – среди них хотелось бы выделить детектива-сержанта Кита Халлетта, детектива-инспектора Уильяма Уорнера и старшего следователя Стюарта Леонарда.

Я хотел бы поблагодарить доктора Найджела Киркэма, ведущего патологоанатома, и других работников морга Брайтона и Хоува – учреждения, где я еще долго надеюсь оставаться лишь временным посетителем.

Выражаю благодарность моему доброму другу Джеймсу Симпсону и Карине Коулман, вместе с которой мы создали ряд кино- и телесценариев, – она стала моим неофициальным редактором и подала несколько блестящих идей. Я благодарю Майка Харриса, Питера Уингейта Сола, Грега Шеклтона, полицейского врача и коронера доктора Питера Дина, а также Хелен Шенстон, придававшую мне веру и поддерживавшую мои силы в самые безрадостные дни.

Я очень признателен моему чудесному новому литературному агенту Кэрл Блейк – за веру в меня. Я восхищен работой фантастической команды издательства «Макмиллан», особенно Дэвида Норта и Джеффа Даффилда, а редактор Стеф Бирверт – настоящее сокровище. Спасибо Джеффри Барли и Тони Малликену – за терпение, поддержку и доверие. И, как всегда, благодарю моих собак: верного Берти и Фибу, появившуюся чуть позже. Оба они терпеливо, хотя и с неохотой ждали, когда я закончу писать и выведу их на прогулку.

Питер Джеймс

Сассекс, Англия

1

Если не считать пары нестыковок, до сих пор план «А» работал вполне успешно – на их счастье, так как плана «Б» у них, в общем-то, и не было.

Друзья рассчитывали, что в конце мая в половине девятого вечера будет еще светло. По крайней мере, вчера, когда они вчетвером проделали тот же путь, прихватив с собой пустой гроб и четыре лопаты, солнце еще светило вовсю. Но сейчас зеленый микроавтобус «Форд-Транзит» мчался по проселочной Сассекской дороге, а с неба цвета размытого негатива моросил дождь.

– Когда же мы приедем? – захныкал сзади Джош, изображая маленького ребенка.

– Помни девиз любого чата: «Куда бы ни шел, попадешь куда надо», – отозвался Роббо. Поскольку он сидел за рулем, то был чуть трезвее остальных. За последние полтора часа они основательно посидели в трех пабах и еще в четыре заскочили просто так, по пути. Роббо заявил, что будет пить смесь простого пива с имбирным элем, но заодно пропустил пару кружек портера – по его уверению, после горького в голове проясняется и машину вести легче.

– Значит, мы на месте! – обрадовался Джош.

– Кто бы сомневался!

Из темноты выскочил и тут же промелькнул мимо предупреждающий дорожный знак с изображением оленя. Фары высветили поблескивающее черное щебеночное покрытие ведущей в лес дороги. Они миновали небольшой белый коттедж.

Майкл развалился сзади, на клетчатом коврикe, подсунув под голову вместо подушки гаечный ключ. От выпитого все приятно кружилось.

– Н-надо бы поддать еще, – заплетающимся языком пробормотал он.

Сохрани Майкл хоть какую-то способность соображать, по выражению лиц друзей он бы понял: что-то не так. Обычно он не напивался, но сегодня пошел вразнос: залпом осушал пинту за пинтой пива, стопку за стопкой водки в каждом пабе, – а они перебивали в стольких местах, что уже и не упомнишь.

Майкл Харрисон с самого детства считался в их компании главным заводилой. Так сложилось само собой. Говорят, секрет успеха в жизни состоит в том, чтобы правильно выбрать родителей. Майклу и тут повезло. От матери он унаследовал светлые волосы и красоту, от отца – обаяние и сообразительность, но не самоубийственные наклонности, каковые в конце концов Харрисона-старшего и сгубили.

Когда Майклу было двенадцать, Том Харрисон отравился газом в гараже, оставив после себя одни долги. Майклу пришлось быстро повзрослеть. Школьником он разносил газеты, помогая матери свести концы с концами, а став чуть старше, подрабатывал на каникулах разнорабочим. Так что о том, как трудно достаются деньги и как легко их растратить, он знал не понаслышке.

Теперь, к двадцати восьми годам, он приобрел опыт и деловую хватку; его считали славным парнем. Друзья безоговорочно признавали его вожаком. Однако нет в мире совершенства! Майкл был излишне доверчив и любил пошутить, причем порой – грубовато. Сегодня последний из двух недостатков подлежал суровому наказанию. Настал день отмщения!

Впрочем, пока Майкл ни о чем не догадывался.

Он снова погрузился в блаженное забытие, в голове крутились только приятные мысли, связанные в основном с его невестой Эшли. Жизнь прекрасна! Мама встречается с симпатичным мужчиной, братишка только что поступил в университет, сестренка Карли после школы решила взять тайм-аут и сейчас путешествует по Австралии. Его бизнес процветает. Но самое главное, через три дня он женится на любимой женщине! Любимой и обожаемой. Он нашел свою половинку.

Эшли!

Майкл не обращал внимания на лопату, звякавшую всякий раз, когда микроавтобус подпрыгивал на очередной колдобине. Шины шуршали по мокрому щебню, дождь барабанил по крыше. И он не замечал странного выражения лиц двоих друзей, вместе с ним сидевших сзади. Раскачиваясь, они невпопад подпевали древнему хиту Рода Стюарта «Отплытие», доносившемуся из старенького радиоприемника. Из-за протечки в бензобаке в салоне изрядно воняло бензином.

– Я л-люблю ее, – пробормотал Майкл. – Л-люблю Эшли!

– Она у тебя что надо, – кивнул Роббо. Подлизывался, как всегда. Таким уж уродился. Самому Роббо с женщинами не везло. Неуклюжий застенчивый парень с круглой румяной физиономией, прилизанными жидкими волосами и пивным животиком, выпиравшим из-под футболки, Роббо вечно таскался за ними хвостом. Сегодня ему повезло: без его помощи парни бы не справились.

– Точно!

– Подъезжаем, – предупредил Люк.

Перед поворотом Роббо притормозил и подмигнул сидевшему рядом Люку. Дворники монотонно размазывали потеки дождя по ветровому стеклу.

– З-знаете, как я ее люблю?

– Знаем, знаем, – кивнул Пит.

Джош, привалившийся к спинке водительского сиденья, обхватил Пита за плечо, как следует хлебнул пива и передал бутылку Майклу. Машину тряхнуло, и из горлышка полезла пена. Майкл икнул.

- Из-звините!

- И за что только Эшли тебя любит? - поморщился Джош.

- З-за большой член.

- Значит, не за деньги и не за красивые глаза? А может, за обаяние?

- З-за это тоже, Джош, но главное - она б-без ума от моего члена.

Роббо заложил крутой вираж. Микроавтобус накренился вправо, с грохотом задел одну проволочную изгородь, за ней - вторую и кое-как вырулил на грунтовку. Роббо, вглядываясь в запотевшее ветровое стекло, старательно крутил баранку, объезжая самые глубокие рытвины. Из-под колес вылетел кролик и сиганул в кусты. Колеблющийся свет фар то и дело выхватывал из темноты стену плотного кустарника, растущего вдоль дороги. Когда Роббо переключил передачу, голос Майкла слегка изменился: его эйфория постепенно уступала место беспокойству.

- Куд-да мы едем?

- В еще один паб.

- О'кей. Здорово! - И через секунду: - Я об-бещал Эшли не напиваться... как свинья.

- Вот видишь - не успел жениться, а уже стал подкаблучником, - заметил Пит. - А ведь ты пока свободный человек - еще на целых три дня.

- Три с половиной, - услужливо подсказал Роббо.

- Вы д-девичек не заказали? - поинтересовался Майкл.

– А что, у тебя уже встал? – ухмыльнулся Роббо.

– Я Эшли не из-меняю.

– Мы об этом позаботимся.

– Ну и г-гады же вы!

Накренившись, микроавтобус остановился. Роббо сдал назад, снова повернул направо и наконец выключил зажигание вместе с Родом Стюартом.

– Приехали! – объявил он. – Следующая остановка – пивная «У могильщика».

– Поганое наз-звание! – фыркнул Майкл. – Лучше бы она называлась «У тайской цыпочки».

– погоди, будет тебе и цыпочка.

Кто-то открыл задние дверцы – кто именно, Майкл так и не понял. Невидимые руки потянули его за лодыжки, Роббо схватил его за одну руку, Люк – за другую.

– Эй! Вы чего?!

– Тяжелый, мать твою так! – проворчал Люк.

Майкл грузно плюхнулся на мокрую землю. Не зря утром внутренний голос предупреждал его, что любимая спортивная куртка и дорогие джинсы – не лучшая одежда для мальчишника! Темно было хоть глаз выколи – свет шел только от задних фар машины да от карманного фонарика. Дождь усилился: струйки воды попадали в рот, в глаза... Волосы прилипли ко лбу.

– Моя... од-дежда...

Тут его схватили за руки и за ноги, раскачали и швырнули куда-то вниз, в яму. Майкл слегка ошалел. Сухо, но вокруг почему-то сплошной белый атлас.

– Вы... вы чё? Совсем с дуба рухнули?

Над ним склонились четыре пьяно ухмыляющиеся рожи. Сверху ему на живот шлепнулся журнал – Майкл едва успел разглядеть на обложке голую рыжую красотку с огромными грудями. Следом полетели бутылка виски, включенный фонарик и рация.

– Ребят, вы чё, совсем?..

Кто-то сунул ему в рот воняющую резиной трубку. Не успел Майкл ее выплюнуть, как послышался резкий скрип, и лица друзей внезапно пропали. Наступила полная тишина. Пахло деревом, новой материей и клеем. На секунду ему стало тепло и уютно, но затем он всполошился.

– Эй, парни!

Тем временем Роббо достал отвертку, а Пит осветил фонариком крышку гроба.

– Вы что, завинтите шурупы? – удивился Люк.

– Конечно! – кивнул Пит.

– По-вашему, это обязательно?

– Ничего с ним не стрясется, – заверил его Роббо. – У него есть дыхательная трубка!

– А по-моему, завинчивать все-таки не стоит.

– Стоит, стоит, а то вылезет!

– Эй, мужики!!! – взвыл Майкл.

Но его уже никто не слышал. И он не слышал ничего, кроме легкого поскрипывания над головой.

Роббо старательно завинтил все четыре шурупа. В крышку дорогого тикового гроба, сработанного вручную по высшему разряду, были вделаны медные ручки. Друзья позаимствовали гроб в похоронном бюро дядюшки Роббо, где он сам, после пары неудачных попыток самостоятельно сделать карьеру, вкалывал учеником бальзамировщика. Отличные, прочные медные шурупы вошли в древесину как в масло.

Майкл запрокинул голову, почти коснувшись крышки носом. Со всех сторон его окружал атлас цвета слоновой кости. Он взбрыкнул ногами, но места не было. Попытался оттолкнуться руками, но тоже безрезультатно.

Поразмыслив несколько секунд, Майкл вдруг понял, где оказался.

– Эй, эй, послушайте, вы! У меня клаустрофобия! Это не смешно! Эй! – услышал он собственный, непривычно сдавленный голос.

Пит открыл дверцу микроавтобуса и включил фары. В двух метрах перед ними зияла выкопанная ими накануне могила. Сбоку – куча земли и заранее припасенные веревки. Неподалеку валялись лист рифленого железа и две лопаты.

Четверо друзей подошли к могиле и заглянули в нее. Внезапно им стало не по себе. Пока они разрабатывали план мести, им было чертовски весело, но как только дошло до дела... Теперь яма казалась глубже, темнее... она и в самом деле смахивала... да-да, на могилу.

Слабый луч фонарика заплясал на дне.

– Гляньте-ка, да там вода! – заметил Джош.

– Подумаешь, дождик накапал, – отмахнулся Роббо.

Джош нахмурился:

– Ничего себе – дождик! Там целая лужа! Наверное, мы задели подземный источник.

– Твою мать! – не выдержал Пит, агент по продаже «БМВ», всегда выглядевший безупречно, даже не находясь на службе: модная короткая стрижка, дорогой костюм, начищенные до блеска ботинки... Он неизменно был уверен в себе, но сейчас всю спесь словно ветром сдуло.

– Подумаешь! – пожал плечами Роббо. – Всего-то пара дюймов.

– Как нам удалось вырыть такую ямищу? – удивился свежее испеченный адвокат Люк. Он совсем недавно женился и, хотя еще не был готов расстаться с юностью, уже начинал понимать, что жизнь – не яблочный пирог.

– Могила есть могила, верно? – буркнул Роббо. – Мы ведь решили похоронить его... ненадолго.

Джош прищурился. Дождь хлестал все сильнее.

– А если вода поднимется?

– Ё-мое, чувак! – обозлился Роббо. – Яму-то мы копали вчера, и за двадцать четыре часа натекла всего пара дюймов! Не о чем париться.

Джош задумчиво кивнул.

– А если мы не сумеем его вытащить?

– Чего тут уметь?! – возмутился Роббо. – Снимем крышку, и все дела.

– Ну, за работу! – скомандовал Люк.

– Он, свинья, это заслужил, – подбадривал друзей Пит. – Люк, помнишь, что он устроил на твоём мальчишнике?

Люк кивнул. Он не забудет своего мальчишника до конца жизни! Наутро после затяжного запоя он очнулся в купе поезда на Эдинбург. В результате на следующий день он на сорок минут опоздал на собственную свадьбу. Да, Майкл тогда оттянулся по полной программе!

Было что вспомнить и Питу. День накануне венчания он провел болтаясь над Клифтонским ущельем. Майкл придумал приковать его наручниками к перилам подвесного моста, предварительно нарядив в кружевные панталоны с оборками, откуда торчал внушительных размеров фаллопротез. Пит провисел над пропастью, пока беднягу не спасла пожарная команда.

– А Марк-то – как всегда! – хмыкнул Пит. – Вот гад! Сам нас подначивал, а теперь в кусты...

– Никуда он не денется. Будет ждать нас в следующем пабе. Маршрут он знает.

– Ну да?

– Он мне звонил. Уже едет.

Роббо скорчил гримасу:

– В Лидсе туман, и его рейс отложили. Здорово устроился!

– Мы встретимся в «Королевском дубе».

– Вот хитрая сволочь! – покачал головой Люк. – Всю грязную работенку вечно спихивает на нас.

– Зато весело! – возразил Пит.

– Ни хрена себе – весело! – сквозь зубы процедил Люк. – Торчим в лесу в проливной дождь. Весело? Ну ты шутник! Пусть только попробует опоздать – будет откапывать Майкла в одиночку.

Друзья взвалили гроб на плечи, шатаясь поднесли к краю могилы и тяжело плюхнули на растянутые веревки. Услышав сдавленное «Ой!» из-под крышки, все дружно расхохотались.

Майкл замолотил по крышке кулаками.

- Перестаньте! Слышите?!

Пит выхватил из кармана портативную рацию:

- Проверка! Как слышишь меня? Прием!

Голос его гулко раскатился под крышкой гроба:

- Проверка! Проверка!

- Кончайте дурака валять!

- Не парься, Майкл! - посоветовал Пит. - Наслаждайся жизнью.

- Выпустите меня отсюда, козлы! Мне надо отлить!

Пит выключил рацию и сунул ее в карман дорогой куртки фирмы «Барбур».

- Как мы его спустим?

- На веревках, - объяснил Роббо. - Хватайтесь за концы!

Пит щелкнул кнопкой передатчика.

- Все схвачено, Майкл! Не волнуйся! - издевательски бросил он и, не дожидаясь ответа, вырубил рацию.

Все четверо расхохотались и взялись за веревки.

- Раз... два... три! - крикнул Роббо.

- Черт, ну и тяжесть! - проворчал Люк, натягивая веревку и выпрямляясь.

Медленно, толчками, кренясь, словно подбитый корабль, гроб опустился в глубокую яму.

Когда он коснулся дна, друзья едва различали его в темноте.

Пит посветил вниз фонариком, и они разглядели дыхательную трубку, едва торчавшую из крошечной дырочки, просверленной в крышке.

Роббо выхватил у него рацию.

– Эй, Майкл, твой член наружу торчит! Что, так журналчик понравился?

– Ладно вам, прикололись, и хорош! Выпустите меня отсюда!

– Мы едем в стриптиз-клуб. Какая жалость, что тебя с нами не будет! – Роббо отключился, не дожидаясь ответа Майкла, схватил лопату и принялся забрасывать яму землей. Когда первый ком стукнулся о крышку гроба, Роббо расхохотался.

Ухнув, Пит подхватил вторую лопату и стал помогать. Несколько секунд оба старательно трудились. Вскоре из-под земли виднелись лишь небольшие части крышки гроба, но постепенно исчезли и они. Два друга работали как заведенные: спиртное придало им сил. Вскоре они закидали яму на добрых два фута – так, что кончик дыхательной трубки едва торчал из земли.

– Слушайте, хватит! – забеспокоился Люк. – Ведь нам же его и откапывать через два часа – чем больше вы сейчас накидаете, тем труднее нам придется потом.

– Он же вроде как в могиле! – заржал Роббо. – А мы – могильщики и засыпаем гроб землей.

Люк выхватил у него лопату.

– Хватит! – решительно заявил он. – Я хочу всю ночь пить, а не рыться в грязи. Ясно?

Роббо кивнул. Он никогда не перечил никому из друзей. Взмокший от пота Пит отшвырнул лопату.

– Не думайте, будто я собрался зарабатывать этим на хлеб, – проворчал он.

Накрыв могилу листом рифленого железа, друзья несколько секунд молча постояли вокруг, слушая, как капли дождя барабанят по металлу.

– Ладно, – наконец бросил Пит, – мотаем отсюда!

Люк сунул руки в карманы.

– А может, не стоит? – нерешительно спросил он.

– Мы же решили проучить его как следует, – напомнил Роббо.

– А если он, к примеру, задохнется там в блевотине?

– Ничего с ним не случится, не так уж он много и выпил, – махнул рукой Джош. – Ладно, поехали.

Джош влез в кузов, и Люк захлопнул дверцы. Пит, Люк и Роббо устроились впереди. Роббо завел мотор, и микроавтобус затрясся по лесной дороге. Вскоре, свернув направо, они выехали на шоссе.

Роббо включил рацию.

– Как делишки, Майкл?

– Парни, завязывайте... Мне ваша шутка совсем не нравится!

– Да неужели? – издевательски хмыкнул Роббо. – А нам так даже очень!

Люк выхватил у него рацию.

– Майкл, теперь ты понимаешь, что такое «долг платежом красен»?

Все четверо зашлись от хохота. Передатчиком завладел Джош:

– Привет, Майкл, старина! Мы едем в классный клуб, там обалденные телки с голыми сиськами танцуют у шестов! Представляю, как ты сейчас бесишься! Жаль небось пропускать такое!

До них донесся сдавленный голос Майкла:

– Хорош, мужики! Мне и так уже паскудно!

Сквозь ветровое стекло Роббо увидел разрытый участок шоссе – очевидно, там шли ремонтные работы. Но на светофоре горел зеленый свет, и он поддал газу. Проскочим!

Люк через плечо Джоша проорал:

– Майкл, не переживай! Через пару часиков мы за тобой вернемся!

– Что значит – «через пару часиков»?! Да я за это время околею!

В этот момент зеленый свет сменился красным. Времени, чтобы затормозить, уже не было. Роббо прибавил газу... проскочил.

– Ну-ка, дайте! – потребовал он, одной рукой хватая передатчик, а другой рукой крутя руль. На секунду опустив глаза, он отыскал кнопку «Вызов». – Слышь, Майкл...

– Роббо!!! – истерически завопил Люк.

Яркий свет впереди: чьи-то фары летели прямо на них.

Ослепительный свет!

Рев клаксона – низкий, громкий, свирепый...

– Роб-бо-о-о-о!!! – завизжал Люк.

Тот в панике уронил рацию, до упора вдавил педаль тормоза в пол, и машина сразу же перестала слушаться руля. Роббо в отчаянии озирался, ища, куда бы свернуть. Справа – деревья, слева – дорожная машина «Джей-си-би», а навстречу, словно хвост огромной кометы, из завесы дождя выплывают огромные яркие круги...

2

У Майкла кружилась голова. Он услышал крик, потом глухой удар – как будто кто-то уронил рацию.

И тишина.

Он нажал кнопку вызова.

– Алло!

Ответом ему был лишь треск.

– Алло! Ребята, вы где?

Тишина. Он внимательно осмотрел передатчик. Крепкая с виду штучка в надежном пластиковом корпусе с одной короткой антенной и другой – подлиннее; на сетке микрофона логотип «Моторолы». Еще – выключатель, кнопка усиления звука, переключатель каналов и крошечная мерцающая зеленая точка величиной с булавоочную головку. А над рацией – проклятый белый атлас, совсем рядом... Майкл с трудом сдержал вопль. Сердце бешено колотилось. Ему нужно в туалет! Ужасно хочется по малой нужде... просто сил нет.

Где он, черт побери, находится? Куда подевались Джош, Люк, Пит и Роббо? Наверное, стоят вокруг и гогочут! Или эти придурки и впрямь намылились в клуб?

Выпитое снова ударило в голову, и Майклу чуть полегчало. Все словно затянуло туманом, веки отяжелели, а затем, закрыв глаза, он провалился в блаженную дрему.

Когда Майкл пришел в себя, перед его взором маячило расплывчатое белое пятно. Атлас. Внезапно накатила тошнота – его словно подбросило вверх, а потом опустило. Снова вверх. Снова вниз. Он проглотил слюну и опять зажмурился. Ему показалось, будто гроб плывет, покачиваясь, переваливаясь с боку на бок. В туалет уже почти не хотелось. Потом отступила и тошнота, стало уютно. Он плывет. Как будто в большой колыбели!

Глаза закрылись, и Майкл камнем провалился в тяжелый сон.

3

Рой Грейс стоял в пробке. Дождь лупил по крыше старенькой «Альфа-Ромео», пальцы отстукивали нервную дробь на руле. Краем уха он слушал компакт-диск Дайдо. Настроение было хуже некуда.

Точнее, дерьмовое.

Завтра он должен быть в суде. А там неприятностей не оберешься.

Грейс отпил глоток минеральной воды «Эвиан», завинтил колпачок и сунул бутылку в подстаканник на дверце.

– Ну, давайте же, чего встали?! – поторопил он впереди стоящие машины, вновь барабаня по рулю, только сильнее прежнего. Он опаздывал на свидание – уже на сорок минут, хотя опаздывать ненавидел, считая это признаком неуважения. Такой человек как будто заявляет тебе: «Мое время дороже твоего, так что можешь и подождать...»

Выйди он из кабинета всего минутой раньше, то успел бы повсюду. Вызов принял бы кто-нибудь другой, и вот его-то и послали бы на задержание в Брайтон, где двое придурков, обколовшихся неизвестно чем, ограбили

ювелирный магазин. Вот вам одно из неудобств работы полицейского: подонки не выбирают, когда воровать, убивать и грабить. Совершай они преступления только в рабочее время...

Грейс понимал: сегодня ему не стоило никуда ехать. Нужно было остаться дома и готовиться к завтрашнему дню. Он выпил еще воды. Во рту пересохло, губы запеклись. В животе как будто били крыльями свинцовые бабочки.

За последние несколько лет друзья неоднократно уговаривали его ходить на свидания «вслепую», и всякий раз он превращался в комок нервов. А сегодня все было еще хуже обычного: не имея возможности принять душ и переодеться, он переживал из-за того, что непрезентабельно выглядит. Вчера он тщательно все продумал, но теперь из-за каких-то двух идиотов все его планы пошли прахом.

У одного из них оказался обрез дробовика, и он выстрелил в патрульного – тот, возвращаясь с дежурства, слишком близко подошел к магазину, правда, на его счастье, не вплотную. Рою приходилось видеть последствия выстрела из дробовика 12-го калибра. С близкого расстояния из него можно отстрелить руку или ногу, а то и пробить в груди дыру размером с футбольный мяч. Рой хорошо знал раненого полицейского по имени Билл Грин – они несколько раз играли в регби в одной команде. Заряд дроби угодил в Грина ярдов с тридцати. На таком расстоянии картечь может прикончить разве что фазана или кролика, но не здоровяка регбиста весом в пятнадцать стоунов[1 - Стоун – старинная английская мера массы, равная 6,35 кг.], да еще в кожаной куртке, послужившей дополнительной защитой. Билл Грин отделался сравнительно легко, но несколько дробинок попали в лицо, а одна – в левый глаз.

Когда Грейс добрался до места преступления, подонков уже арестовали – после того как джип, на котором они собирались смыться, потерял управление и слетел с дороги. Помимо вооруженного ограбления, Рой собирался навесить на них еще и покушение на убийство. Его бесило, что все больше и больше преступников в Великобритании палят почем зря, вынуждая полицейских постоянно таскать с собой табельное оружие. Во времена его отца вооружаться никому не пришло бы в голову. А сейчас в некоторых городах копы держат пушки в машине. Грейс не был мстительным по натуре, но считал, что всякого, кто стреляет в блюстителя закона – или в любого невинного человека, – следует вешать.

Пробка все никак не рассасывалась. Грейс посмотрел на часы приборного щитка, на дождь, снова на часы, на горящие красные задние огни стоящей впереди машины – идиот какой-то включил противотуманки. Рой сверился с наручным браслетом, надеясь, что, может быть, часы в машине спешат. Они шли правильно. Минуту добрых десять минут, а машины не сдвинулись ни на дюйм. И навстречу не проехала ни одна колымага.

Внезапно Грейс услышал сирену, в зеркале заднего вида, а затем и в боковом мелькнули синие искры, и мимо с ревом пронеслась патрульная машина. За ней – «Скорая». Еще одна патрульная – на максимальной скорости, – а за ней две пожарные.

Черт подери! Когда Грейс проезжал здесь пару дней назад, на этом участке шоссе велись дорожные работы, и поначалу он решил, что и сегодня транспортный поток стоит из-за них. Однако теперь Рой сообразил, что где-то впереди, видно, произошло ДТП. Раз туда едут пожарные, значит, дело худо.

Проехала еще одна пожарная машина, следом – очередная «Скорая» со включенными на всю мощь сиреной и мигалкой. Далее следовал грузовик службы спасения.

Грейс снова посмотрел на часы. Четверть десятого. Ему следовало заехать за девушкой в Танбридж-Уэллс еще сорок пять минут назад, а туда – целых двадцать минут езды.

Терри Миллер, недавно разведенный инспектор из отдела Грейса, без устали хвастал своими любовными похождениями. Он уверял, что на интернет-сайтах знакомств возможностей хоть отбавляй, и подбивал Грейса почаще туда заглядывать. Рой упорно отнекивался, а потом на его электронный адрес начали приходить послания от разных женщин. Он буквально взбесился, узнав, что Терри Миллер без предупреждения отправил за него сообщение на сайт «Свидания вслепую».

Он так и не понял, зачем ответил на одно из посланий. От одиночества? Из любопытства? От похоти? Трудно сказать. За последние восемь лет Рой привык не думать о завтрашнем дне. Иногда он пытался забыть, а иногда, наоборот, терзался виной, что слишком редко вспоминает о ней.

Сэнди.

Внезапно Грейс почувствовал себя виноватым за то, что едет сейчас на свидание.

Дамочка выглядела шикарно – по крайней мере, на фото. И имя ему тоже понравилось – Клодин. Французистое, какое-то экзотичное. Ну и вид же был у нее на снимке! Янтарные волосы, бойкое хорошенькое личико, из-под тесной блузки выпирает солидных размеров бюст. Девушка сидела на краю кровати в мини-юбке, задранной достаточно высоко, чтобы показать: она носит чулки с кружевным верхом, а над ними, возможно – возможно! – ничего нет.

Они всего раз поговорили по телефону, и в ходе разговора Клодин практически соблазнила Роя. На пассажирском сиденье рядом лежал букет цветов, купленный в магазинчике у бензоколонки. Красные розы – да, несовременно, но Рой Грейс не чуждался старомодной романтики. Ребята правы, ему действительно не мешает встряхнуться. Можно по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз он встречался с женщинами за прошедшие восемь лет и девять месяцев. Он просто не мог и помыслить о том, что среди них вдруг окажется второй идеал. Что хоть кто-то из них может сравниться с Сэнди.

Может, сегодня все переменится?

Клодин Ламонт. Славное имя, славный голос.

Да выключи же ты свои поганые противотуманки!

Он вдохнул сладкий аромат цветов.

Надеюсь, от меня тоже пахнет неплохо.

В отблесках света от приборной панели «Альфы» и задних фонарей машины впереди он глянул на себя в зеркало.

Интересно, что ты хочешь там увидеть?

На него смотрела сама грусть.

Тебе давно пора ехать!

Он снова выпил воды.

Всего через два месяца ему стукнет тридцать девять. И еще одна дата – тоже через два месяца. 26 июля исполнится девять лет с того дня, как Сэнди ушла. Исчезла, растворилась, не оставив записки, – в его тридцатый день рождения. Все ее вещи, кроме дамской сумочки, до сих пор в шкафу.

По закону пропавший без вести через семь лет официально считается умершим. И мать Роя, умиравшая в хосписе от рака, и сестра, и ближайшие друзья, и психиатр – все как один твердили ему, что так и надо поступить.

Не тут-то было!

Джон Леннон как-то сказал: «Жизнь – это то, что с тобой неожиданно случается, когда ты планируешь совсем другое». Верно подмечено, черт побери!

Грейс всегда считал, что к тридцати шести годам у них с Сэнди появятся дети. В идеале он видел троих – двух мальчиков и девочку. Он мечтал, как будет возиться с ними по выходным. Устраивать семейные праздники. Ездить на пляж. Закатываться в луна-парк на целый день. Играть в футбол. Чинить сломанные игрушки. Помогать делать уроки по вечерам. Купать их. Словом, жить так же мило и уютно, как с родителями жил он сам.

Но разве сейчас это жизнь? Он не знает покоя – даже во сне. Жива она или мертва? Восемь лет и десять месяцев он пытался разузнать о Сэнди хоть что-нибудь, но сейчас не продвинулся дальше, чем в тот момент, когда начинал поиски.

Не считая работы, жизнь Роя была пуста. Он не мог – или не хотел – завязать новое знакомство. На какие бы свидания он ни ходил, все они заканчивались катастрофой. Временами казалось, что единственным постоянным спутником в жизни Грейса оставалась его золотая рыбка Марлон. Он выиграл его в тире на ярмарке девять лет назад. Несколько раз он подкупал еще рыбок, чтобы Марлону не было одиноко, но тот неизменно их пожирал, будучи созданием угрюмым и недружелюбным. Именно за эти качества, как считал Рой, они и

нравились друг другу. Два сапога пара.

Иногда Грейс жалел о том, что стал полицейским; сейчас ему хотелось бы заниматься чем-нибудь другим, не отнимающим столько сил и времени. Милое дело – уходишь с работы в пять, заглядываешь в паб, а потом топаешь домой, где, задрвав ноги на стол, смотришь телик. Обычная жизнь – простая и ничем не примечательная. Но он ничего не мог с собой поделать. Видимо, ему по наследству от отца достались гены беспокойства, заставляющие вечно докапываться до истины. Именно благодаря этому обстоятельству Грейс относительно быстро продвинулся по службе и стал суперинтендантом уголовной полиции. Но душевного спокойствия эти гены не прибавляли.

Мрачное отражение снова взглянуло на него из зеркала. Грейс поморщился. Легкие, как пух, коротко стриженные волосы, сломанный и искривленный в потасовке еще в те времена, когда он был патрульным, нос, делавший его похожим на бывшего боксера.

На первом свидании Сэнди сказала, что у него глаза как у Пола Ньюмана[2 - Пол Леонард Ньюман (1925–2008) – известный американский актер.]. Сравнение ему очень понравилось – как и многое другое, что ему в ней нравилось. Главное, она безоговорочно любила его всего, целиком и полностью.

Рой Грейс знал, что внешность у него довольно невыразительная. Рост пять футов десять дюймов – всего на два дюйма выше минимального роста, допустимого для полицейских. Однако, невзирая на то, что он любил выпить и вел безуспешную борьбу с курением, благодаря усердным тренировкам в спортзале накачал мышцы и поддерживал себя в форме. Рой пробегал двадцать миль в неделю и до сих пор время от времени играл в регби – обычно крайним нападающим.

9.20.

Да пропади они все пропадом!!!

А ведь Грейс не собирался сегодня ложиться поздно. Ему нельзя не выспаться. Он не мог себе этого позволить. Завтра идти в суд, а там необходимо быть в наилучшей форме. Вспомнив о предстоящем перекрестном допросе, Рой сразу помрачнел.

Внезапно посветлело – над дорогой пролетел вертолет. Через секунду луч прожектора скользнул вперед, и Грейс увидел, что вертолет снижается.

Достав мобильник, он набрал номер. Ответили почти сразу.

– Здравствуйте, говорит суперинтендант Грейс. Я стою в пробке на шоссе А-26 южнее Кроуборо. Кажется, впереди ДТП. Не знаете, что там стряслось?

Его соединили с оперативным штабом.

– Здравствуйте, суперинтендант, – услышался мужской голос. – Там дело серьезное. По сообщениям, есть жертвы. Дорога еще некоторое время будет заблокирована. Лучше вам развернуться и поискать объезд.

Рой Грейс поблагодарил и отключился. Потом достал из нагрудного кармана рубашки мини-компьютер, нашел номер Клодин и послал ей эсэмэску.

Она ответила почти сразу. Пусть он не беспокоится и приезжает, когда сможет.

От этого девушка понравилась Рою еще больше.

И он ненадолго забыл о завтрашнем дне.

4

Такие поездки случались не очень часто, но, когда это бывало, как же Дэви радовался! Он сидел, пристегнувшись ремнем, на пассажирском сиденье рядом с отцом, а полицейский эскорт мчался впереди по встречной полосе. Маячок мигает, сирена завывает «Уау, уау, уап!», и они то и дело обгоняют обычные машины. Да, это покруче, чем на американских горках – даже на аттракционах в парке в Олтон-Тауэрс, куда папа его как-то возил, а уж там было круче некуда!

– Я-я-яху! – завопил Дэви, не в силах сдержаться. Будучи страстным поклонником американских полицейских телесериалов, он частенько говорил с

американским акцентом: иногда – с нью-йоркским, иногда – с миссурийским, иногда – с флоридским, но чаще всего – с лос-анджелесским.

Фил Уиллер – крутивший баранку крупный мужчина с огромным пивным брюхом, в коричневых рабочих брюках, поношенных ботинках и черной круглой шапочке, улыбнулся сыну. Много лет назад его жена не выдержала и сбежала, не в силах вынести связанных с Дэви тягот. Последние семнадцать лет сына воспитывал он.

Патрульная машина сбросила скорость, обходя тяжелый землеройный агрегат. Оба борта их грузовика с янтарными стробоскопами на крыше украшала надпись: «Мастерская Уиллера. Техпомощь. Авторемонтные работы». Впереди, сквозь ветровое стекло, освещенный лучами фар и прожекторов, показался искореженный капот «Форда-Транзит», впечатавшийся в передний бампер цементовоза, а потом и весь микроавтобус, смятый, как банка из-под кока-колы. Микроавтобус лежал на боку, на проломленной живой изгороди.

В тонких лучах синего света был ясно виден мокрый бетон и зеленая трава, блестящая от дождя. Пожарные и патрульные машины и одна карета «Скорой помощи» все еще стояли на месте аварии, вокруг толпились пожарные и полицейские, по большей части в светоотражательных жилетах. Один патрульный сметал с дороги осколки стекла.

Сверкнула вспышка – на месте происшествия работал полицейский фотограф. Двое сотрудников дорожной инспекции делали какие-то замеры рулеткой. Повсюду валялись куски металла и битое стекло. Фил Уиллер разглядел гаечный ключ, кроссовку, коврик и куртку.

– Похоже, всмятку, пап! – протянул Дэви с миссурийским акцентом.

– Дело дрянь.

Фил Уиллер за годы работы порядком очерствел, и его больше ничто не ужасало. Он повидал всякое – а на дороге может случиться что угодно. Одним из самых ярких воспоминаний был бизнесмен, зажатый на водительском сиденье «Феррари» – в костюме, рубашке и галстучке, но... без головы.

На Дэви, которому недавно исполнилось двадцать шесть, была повернутая козырьком назад фирменная бейсболка команды «Нью-Йорк янкиз», куртка с начесом поверх теплой клетчатой рубашки, джинсы и грубые ботинки. Дэви нравилось одеваться, как американцы «в телевизоре». По умственному развитию парню было лет шесть, и исправить это было уже невозможно. Зато сила в нем была просто нечеловеческая, и порой это оказывалось весьма полезным на «сложных» вызовах. Дэви мог голыми руками гнуть толстые листы металла, а однажды в одиночку поднял за передний бампер наехавшую на мотоцикл машину.

- Да, и впрямь дело дрянь, - согласился Дэви. - Как по-твоему, пап, мертвяки есть?

- Надеюсь, что нет, сынок.

- Но могут быть?

К водительской дверце подошел сотрудник дорожной полиции в фуражке и желтом флуоресцентном жилете. Опустив стекло, Фил узнал знакомого офицера.

- Добрый вечер, Брайан. Похоже, та еще каша.

- За грузовиком уже выехал кран. Можешь заняться микроавтобусом?

- Нет проблем. Что случилось?

- Лобовое столкновение. «Форд-Транзит» и грузовик. Нужно собрать все, что осталось от «Форда».

- Сделаем.

Пока Фил беседовал с полицейским, Дэви взял фонарик, вылез из кабины и посветил вокруг. На дороге чернели пятна мазута и пены. Потом он с любопытством взгляделся в высокую машину «Скорой». За занавешенными окошками горел свет. Интересно, что там сейчас происходит?

Прошло почти два часа, прежде чем они собрали все обломки «Транзита» и погрузили их на платформу своего грузовика. Папа и коп по имени Брайан отошли. Фил чиркнул всепогодной зажигалкой, не гаснувшей даже в бурю, и закурил сигарету. Дэви подошел к ним, на ходу проворно свернув одной рукой самокрутку и прикурив от зажигалки «Зиппо». «Скорая» и почти все другие машины разъехались, а массивный кран поднимал цементовоз со сдувшейся и смятой покрывкой со стороны водительского сиденья.

Дождь ослабел, и сквозь прореху в облаках выглянула бледная луна. Папа с Брайаном толковали о рыбалке – на какую наживку сейчас лучше ловится сазан. Дэви заскучал: ему захотелось отлить, и он не спеша побрел вперед, покуривая самокрутку и поглядывая на небо – нет ли летучих мышей. Дэви любил летучих мышей, простых мышей, крыс, полевок – да и вообще всех животных. Когда он ходил в школу, звери – в отличие от людей – никогда над ним не насмехались. По окончании работы он, возможно, сходит к барсучьей норе полюбоваться, как зверьки играют при луне.

Светя перед собой фонариком, Дэви зашел в кусты, расстегнул джинсы и помочился на куст крапивы. Не успел он закончить, как откуда-то снизу вдруг послышался голос, от которого парень едва не вскрикнул.

– Эй! Алле!

Металлический, безжизненный голос.

Дэви подпрыгнул.

Голос послышался вновь:

– Алло!

– Ё-мое! – Дэви осветил фонариком в кусты, но, так никого и не увидев, крикнул в ответ: – Алло!

– Алло! – отозвался голос. – Эй! Алло! Джош! Люк! Пит! Роббо!

Дэви посветил левее, правее, вперед... Он услышал шуршание – на мгновение луч фонарика выхватил мелькнувший в траве кроличий хвост...

– Алло! Кто это?

Тишина.

Треск. Шорох. Потом, в нескольких футах справа, – опять:

– Алло! Алло! Алло!

Под кустом что-то блеснуло. Дэви опустился на колени и увидел приемник с антенной. Присмотревшись повнимательнее, он с волнением обнаружил, что перед ним уоки-токи – портативная рация.

Дэви направил на нее луч фонарика и некоторое время просто разглядывал – прикоснуться к ней было как-то боязно. Наконец, он взял ее в руки. Рация – холодная и мокрая – оказалась неожиданно тяжелой. Под большой зеленой кнопкой он увидел надпись: «Вызов».

Нажав на кнопку, Дэви пробормотал:

– Алло...

– Кто это? – тут же отозвалась рация.

– Дэ-эви! – слышался издалека другой голос.

Папа.

– Иду! – крикнул он в ответ.

Выбравшись на дорогу, парень вновь нажал на зеленую кнопку и сказал:

– Я Дэви! А ты кто?

– Дэ-э-ви-и!

Снова папа.

Всполошившись, Дэви уронил рацию, и она с глухим стуком упала. Корпус треснул, и на дорогу вывалились батарейки.

– Иду, иду! – крикнул он, поспешно опустился на колени и, схватив уоки-токи, запихнул в карман куртки. Потом подобрал батарейки и сунул их в другой карман. – Иду, папа! Я пописать ходил!

И, прикрывая рукой оттопыривающийся карман, Дэви поспешил назад, к грузовику.

5

Майкл включил микрофон.

– Дэви!

Молчание.

Он снова нажал на кнопку.

– Дэви! Алло, Дэви!

Тишина и белый атлас. Мертвая тишина сверху донизу. Она поднималась изнутри, давила со всех сторон. Майкл попытался шевельнуть руками, но не смог развести их в стороны – мешали стенки гроба. Он взбрыкнул ногами, но они наткнулись на столь же прочные стенки. Положив уоки-токи на грудь, он слегка приподнял голову и ударился о крышку гроба, обитую белым атласом. Все равно что биться лбом о бетон!

Подтянувшись как можно выше, Майкл схватил торчавшую снаружи красную резиновую трубку, прищурил один глаз и заглянул в нее, но ничего не увидел. Обхватив трубку рукой, он поднес ее к губам и попробовал свистнуть, но свист получился жалкий и едва слышный.

Майкл откинулся назад, больно стукнувшись затылком. Снова ужасно захотелось по-маленькому. Он нажал на кнопку вызова.

- Дэви! Дэви, мне нужно в сортир! Дэви!

В ответ - тишина.

За годы плавания на яхтах Майкл научился неплохо обращаться с рациями. Надо переключиться на другой канал, решил он и нащупал соответствующую кнопку. Она не шелохнулась! Майкл надавил на нее сильнее... увы, с тем же результатом. И лишь тогда он понял, в чем дело: переключатель был залит каким-то суперклеем. Значит, перейти на другой канал - например, на шестнадцатый, международный канал Службы спасения - не удастся.

- Эй! Сволочи, козлы, ублюдки, да отвечайте же! Я уже дошел до ручки!

Отчаянным усилием, так как двигаться было почти невозможно, Майкл поднес рацию к уху и прислушался.

Ничего.

Он положил рацию на грудь и медленно, с огромным трудом, вытянув правую руку вдоль тела, нащупал в кармане кожаной куртки мобильник в прочном водонепроницаемом корпусе - подарок Эшли. Специально для морских прогулок. Он любил его, потому что он отличался от мобильников, какие были у всех. Нажал кнопку, и дисплей ожил. Надежда вспыхнула - и тут же погасла. Нет сигнала!

- Ч-черт!

Он поискал в телефонной записной книжке номер своего компаньона Марка.

Марк Моб.

Несмотря на то что сигнала не было, Майкл нажал на кнопку посылы вызова.

Ничего!

Стараясь не обращать внимания на растущее чувство паники, он попробовал набрать по очереди номера Роббо, Пита, Люка и Джоша.

Потом снова схватил уоки-токи.

– Мужики! Вы меня слышите? Мать вашу! Я знаю, что вы меня слышите!

Тишина.

На дисплее его мобильного «Эрикссон» было 23.14.

Когда он последний раз узнавал время? Прошло добрых два часа. Майкл закрыл глаза и задумался, силясь понять, что же все-таки происходит. В ярком, почти ослепительном луче фонарика мелькнули бутылка и журнал. Майкл подтянул журнал повыше и вертел его до тех пор, пока не сумел прикрыть лицо огромными глянцевыми грудями. Они были так близко к глазам, что расплывались.

Какие же сволочи!

Он взял рацию и опять нажал на кнопку «Вызов».

– Ладно вам! Повеселились, и будет! Давайте выпускайте меня отсюда! Добром прошу!

Тишина.

Интересно, кто такой, черт побери, этот Дэви?

В горле пересохло. Хотя бы глоток воды! Голова кружилась. Ему хотелось домой, в постель, к Эшли. Они сейчас придут за ним – буквально через несколько минут, надо только подождать. А уж завтра он им задаст!

Вернулась тошнота, которую он испытывал раньше. Майкл зажмурился. Перед глазами все кружилось и плыло, и он вновь погрузился в сон.

6

Полет завершился столь же отвратительно, как и проходил, – колеса шасси (ровно на пять с половиной часов позже запланированного времени) стукнулись о бетон взлетно-посадочной полосы с такой силой, что самолет содрогнулся. Марк Уоррен тяжело вздохнул. Он устал, сиденье было продавлено, ремень безопасности впивался в живот, желудок горел от соленых крендельков и отвратительной запеканки. Пожалев, что не отказался от еды, он бросил последний взгляд на фото «Феррари-365» в автомобильном журнале.

«Я хочу тебя, детка, – подумал он. – О, как я тебя хочу! Ужасно хочу!»

В иллюминаторе мелькнули огни взлетно-посадочной полосы, размытые из-за непрекращающегося дождя. Самолет сбавлял скорость. В салоне слышался бархатистый голос пилота, еще раз извинявшегося за задержку, вызванную туманом.

Проклятый туман! Мерзкая английская погода! Марк мечтал о красном «Феррари», вилле в Марбелье, жарком солнце и какой-нибудь подруге. Точнее, не о какой-нибудь, а о прелестной! Если удастся заключить сделку, ради которой он мотался в Лидс, то на шаг приблизится и к вилле, и к «Феррари». А подруга – это уже вопрос второй.

Марк с трудом отстегнул ремень, вытянул из-под сиденья свой кейс, сунул туда журнал, встал, снял с багажной полки плащ... Пассажиры толпились у выхода из салона, но ему было все равно. Он так устал, что даже не поправил сбившийся набор галстук.

В отличие от своего компаньона, одевавшегося небрежно, Марк очень следил за своим внешним видом. Он всегда коротко стриг светлые волосы и носил строгие костюмы, из-за чего выглядел старше своих двадцати восьми. Его одежда отличалась безупречной чистотой, словно только что из магазина. Марку нравилось воображать себя типичным молодым преуспевающим бизнесменом, однако на самом деле он резко выделялся в любой группе людей и походил на коммивояжера.

Его часы показывали 23.48. Марк включил мобильник, но не успел набрать номер, как телефон пикнул, и дисплей погас. Он сунул мобильник в карман и подумал, что для звонков уже слишком поздно. Сейчас ему хотелось только одного: домой и спать.

Через час он задним ходом загнал свой серебристый «БМВ-Х5» в подземный гараж, поднялся в лифте на пятый этаж и вошел в квартиру.

Чтобы купить квартиру в роскошном «Ван Аллене», пришлось затянуть пояс потуже, но зато он поднялся на следующую ступень общественной лестницы. Импозантное современное здание в стиле ар-деко на набережной Брайтона, среди жильцов – целая куча знаменитостей. Классный дом! Если ты живешь в «Ван Аллене», значит, ты кое-что собой представляешь. А раз так, значит, ты богат. Вся жизнь у Марка была одна-единственная цель – разбогатеть.

Когда он вошел в просторную гостиную, на телефонном автоответчике мигала лампочка вызова. Решив некоторое время не обращать на него внимания, Марк швырнул кейс на пол, поставил мобильник на подзарядку и, плеснув себе на два пальца виски «Балвени», подошел к окну. Несмотря на поздний час и дождь, на бульваре внизу полно народу. Вдали виднелись огни Дворцовой набережной и чернильно-темное море.

Неожиданно мобильник резко запищал. Марк посмотрел на дисплей. Ничего себе! Четырнадцать новых сообщений!

Не отключая телефон от зарядного устройства, он позвонил на автоответчик. Первое сообщение в семь вечера пришло от Пита – тот интересовался, где его черти носят. Второе, в 7.45, было от Роббо – этот болван услужливо подсказывал, что они едут в другой паб, «Жирный ягненок». В половине девятого звонили очень пьяные Люк и Джош (на заднем плане слышался и голос Роббо), дабы

поставить его в известность, что они перебираются из «Ягненка» в паб под названием «Дракон» на Акфилд-роуд.

Следующие два сообщения – от агента по недвижимости, насчет сделки в Лидсе, и от их юриста.

Шестое сообщение в 23.05 прислала вконец расстроенная Эшли. У нее был такой подавленный голос, что Марк удивился – Эшли всегда была такой спокойной и хладнокровной!..

«Марк, прошу тебя, пожалуйста, перезвони мне... пожалуйста, как только сможешь!» – услышал он ее мелодичный голосок с отчетливым американским акцентом.

Он нерешительно перешел к следующему сообщению. Снова Эшли. В голосе волнение. Вслед за ним – еще одно, затем – еще... Она звонила через каждые десять минут. Десятое сообщение было от матери Майкла. У нее тоже был расстроенный голос.

«Марк, где ты? Пожалуйста, перезвони, как только сможешь!»

Марк нажал на паузу. Да что там у них такое стряслось?

Следующий звонок – вновь от Эшли – чуть ли не в истерике:

«Марк, произошла ужасная авария. Пит, Роббо и Люк погибли. Джош в реанимации. Никто не знает, где Майкл. Господи, Марк, пожалуйста, перезвони мне!»

Не веря собственным ушам, Марк еще раз прослушал сообщение и тяжело рухнул на подлокотник дивана.

– Боже милостивый!

Он снова включил автоответчик на запись. Эшли и мать Майкла говорили приблизительно одно и то же. Перезвони! Пожалуйста, перезвони!

Марк допил виски, налил еще на три пальца и вновь подошел к окну. Сквозь собственное отражение он некоторое время смотрел на бульвар, провожая взглядом машины, затем обратил взор в сторону моря. Вдали, у самого горизонта, мелькнули две крохотные светлые точки. Должно быть, танкер или сухогруз идет по Ла-Маншу.

Мысли у него путались.

Если бы самолет прилетел вовремя, я бы тоже попал в аварию!

Однако это уже не имело большого значения. Марк глотнул виски и сел на диван. И почти сразу же телефон зазвонил вновь. Марк подошел к аппарату и уставился на определитель номера. Эшли! Четыре звонка, и она повесила трубку. Через секунду запищал его мобильный. Снова Эшли! Поколебавшись, он нажал на кнопку «Сброс» и переключил телефон на автоответчик. Потом вырубил мобильник и сел, откинувшись на спинку дивана и вытянув ноги.

Звякнули кубики льда в стакане, и Марк понял, что руки у него дрожат – он весь дрожал с головы до ног. Он подошел к музыкальному центру «Банг и Олуфсен» и поставил компакт-диск – сборник произведений Моцарта. Под Моцарта ему всегда лучше думалось. А подумать было о чем...

Марк снова сел и уставился в стакан, сосредоточив взгляд на кубиках льда, словно это были игральные кости. Прошло больше часа, прежде чем он снял трубку и набрал номер.

7

Спазмы учащались. Майкл терпел из последних сил, плотно стиснув бедра, сдерживая дыхание и закрыв глаза. Как эти сволочи будут ржать, когда вернуться и увидят, что он обмочился!

В тесном, замкнутом пространстве приступ клаустрофобии давал о себе знать в полную силу. Майку казалось, что белый атлас сжимается вокруг него, давит на лицо...

Он осветил фонариком на часы. 2.47.

Чтоб им пусто было!

Они там что, вконец охренели?! Два сорок семь! И куда они, мать их за ногу, подевались?! Совсем крышу снесло в каком-нибудь ночном клубе?!

Майкл смотрел на белый атлас. В голове гудело, губы запеклись, ноги словно склеились. Переполненный мочевой пузырь болел нестерпимо. Он не знал, долго ли еще продержится.

От отчаяния Майкл замолотил костяшками пальцев по крышке гроба и заорал:

– Эй, вы, сволочи!

Он снова посмотрел на мобильник. Полная тишина. На всякий случай он отыскал в записной книжке номер Люка и нажал кнопку набора. Телефон пискнул, и на дисплее появилась надпись: «Нет связи».

Майкл нашарил рацию, включил ее и снова стал выкрикивать имена друзей. И еще того, другого, чей голос он помнил очень смутно:

– Дэви! Алло, Дэви!

Ответом было лишь слабое потрескивание.

Майклу отчаянно хотелось пить – во рту пересохло. Неужели они совсем не оставили ему воды? Он чуть приподнял голову, стукнувшись о крышку, и вдруг в темноте сверкнуло горлышко бутылки. Знаменитое виски «Граус».

Разочарованный, он сорвал с горлышка оплетку, отвинтил крышечку и глотнул. В первое мгновение жидкость во рту показалась ему бальзамом, а затем огнем обожгла язык и пищевод. Однако почти сразу же стало чуть легче. Он вновь приложился к бутылке. Полегчало еще больше.

Прежде чем завинтить крышку, Майкл сделал третий глоток, посолиднее, и закрыл глаза. Голова уже не так раскалялась. Да и мочевой пузырь как будто

поутих.

- Вот уроды... - пробормотал он.

8

Эшли была похожа на призрака. Ее обрамленное длинными каштановыми волосами лицо было таким же бледным и бескровным, как у больных, лежавших в палате у нее за спиной в хаосе трубок, проводов, вентиляторов и мониторов. Она ждала, прислонившись спиной к стойке поста дежурной медсестры отделения интенсивной терапии окружной больницы Сассекса. Такой беззащитной Марк не видел ее никогда, но сейчас она показалась ему еще красивее.

Несмотря на изнурительную бессонную ночь, Марк не забыл надеть строгий деловой костюм и безупречные черные кожаные туфли от Гуччи. Подойдя к Эшли, он обнял ее и притянул к себе, одновременно разглядывая окружающую обстановку. Торговый автомат с сэндвичами, фонтанчик с питьевой водой, таксофон под прозрачным куполом из оргстекла... В больницах Марку всегда делалось не по себе. Он помнил, как пришел навестить отца, отходившего после тяжелого сердечного приступа, и внезапно осознал, что человек, еще недавно бывший таким сильным, превратился в хрупкое, жалкое и беззащитное существо, дрожащее от страха. И теперь он обнимал Эшли вовсе не для того, чтобы ее утешить, - нет, ему надо было хотя бы немного успокоиться самому. Рядом с ее головой на зеленом мониторе мерцал курсор.

Девушка приникла к нему так, как будто он был ее единственным спасением посреди бурного моря.

- Марк! Господи, какое счастье, что ты здесь!

Одна из медсестер разговаривала по телефону - похоже, утешала родственника какого-то больного, другая сидела на рабочем месте рядом с ними и стучала по клавиатуре компьютера.

– Какой ужас! – пробормотал Марк. – Просто не верится!

Эшли кивнула, сглотнув подступивший к горлу комок.

– Если бы не твои переговоры, ты бы тоже...

– Знаю. Сам все время об этом думаю. Как Джош?

От недавно вымытых волос Эшли исходил приятный аромат, а от нее самой едва заметно пахло чесноком – вчера вечером она с подругами устраивала девичник в каком-то итальянском ресторанчике.

– Плохо. С ним Зои.

Проследив за ее пальцем, Марк увидел в дальнем конце палаты, через несколько коек от них, жену Джоша, сидевшую на стуле в окружении шипящих вентиляторов и мерцающих мониторов. На ней была белая футболка, куртка от спортивного костюма и мешковатые брюки. Голова опущена, плечи поникли, всклокоченные кудряшки закрывают лицо...

– Майкл до сих пор не объявился. Где он, Марк? Ведь ты же наверняка знаешь?

Едва медсестра положила трубку, телефон зазвонил вновь, и она приступила к очередному разговору.

– Понятия не имею, – нахмурился Марк. – Не имею ни малейшего представления.

Эшли уставилась на него жестким немигающим взглядом:

– Но вы же готовились заранее! Люси сказала, что вы собирались расквитаться с Майклом за все дурацкие шутки, которые он сыграл с другими перед свадьбой! – Девушка отступила на шаг, откинула волосы со лба, и Марк увидел, что у нее потекла тушь. Она промокнула глаза рукавом.

– Наверное, ребята в последний момент передумали, – развел он руками. – Конечно, парни носились со всякими идеями – например, хотели напоить его до бесчувствия и посадить в самолет, но я сумел их отговорить – по крайней мере,

мне так показалось.

На губах Эшли появилась бледная улыбка.

Марк пожал плечами:

– Я понимал, ты будешь волноваться, как бы мы не выкинули... ну... что-нибудь уж совсем дурацкое.

– Да, так оно и было. Я ужасно волновалась. – Девушка бросила взгляд на медсестру и шмыгнула носом. – Так где же он?

– Его точно не было в машине?

– Совершенно точно. Я уже звонила в полицию... они говорят, что... они говорят... они...

– Так что они говорят?

– Что ничего не могут поделать! – с неожиданной злостью выпалила она и всхлипнула, изо всех сил стараясь сдержать слезы. – Они говорят, что обшарили все вокруг места аварии, но никого не нашли. Возможно, он просто где-нибудь отсыпается с похмелья.

Марк промолчал, надеясь, что Эшли успокоится, но она продолжала плакать.

– Может, так оно и есть.

Эшли отчаянно замотала головой:

– Он обещал мне, что не напьется!

Марк посмотрел ей в глаза, и девушка кивнула:

– Я знаю, вы, ребята, всегда напиваетесь на мальчишниках. До потери сознания!

Марк опустил глаза и принялся разглядывать серые квадраты коврового покрытия.

- Давай-ка подойдем к Зои, - предложил он и направился в палату.

Эшли следовала за ним, держась чуть позади.

Зои всегда была стройной, но сегодня Марку показалось, что она похудела еще больше. Он положил руку ей на плечо. Господи, какая же она костлявая!

- Зои, мне так жаль!

Та едва заметно дернула плечом.

- Как он? - поинтересовался Марк, надеясь, что волнение в его голосе звучит достаточно правдоподобно.

Зои повернулась и посмотрела на него снизу вверх. По ее щекам текли слезы, лицо без косметики казалось прозрачным.

- Они выложились на полную катушку, но больше ничего не могут, - прошептала она. - Ему сделали операцию, и теперь остается только ждать.

Марк застыл возле койки, делая вид, что внимательно разглядывает Джоша. Глаза друга закрыты, лицо - сплошная каша из кровоподтеков и синяков, вокруг куча аппаратуры... Капельница, дыхательная трубка, трубка для искусственного питания через нос... Из-под простыни тянется целый клубок проводов, передающих на испещренные диаграммами мониторы компьютеров информацию о работе сердца, мозга, других органов. Кожа словно гипсовая. Короче говоря, друг напоминал жертву безжалостных лабораторных экспериментов.

Однако на Джоша Марк почти не смотрел. А смотрел он на дисплеи, пытаясь расшифровать, что означают все эти кривые. И вспоминал, как давным-давно стоял в такой же палате у постели умирающего отца. Один монитор показывает состояние сердца, другой - давление, третий - содержание кислорода в крови...

Марк напряженно размышлял. У Джоша всегда все было схвачено. Смазливая внешность, богатые родители. Работал он в страховой компании специалистом по оценке размера страховых рисков, всегда все продумывал и просчитывал заранее, вечно толковал о пятилетних и десятилетних планах, о скорейшем способе достижения цели... Из их компании он женился первым, поскольку хотел обзавестись детьми пораньше, чтобы, когда они вырастут, быть еще молодым и успеть насладиться жизнью. Выбрал себе превосходную жену – славную девочку Зою из богатой семьи. Та оказалась плодовитой и помогла Джошу осуществить его намерение, родив одного за другим двоих очаровательных здоровеньких детишек.

Марк вороватым взглядом окинул палату – медсестер и врачей, – подмечая, где кто стоит, а затем поглядел на трубку капельницы, торчащую в руке Джоша возле пластиковой бирки с его фамилией. Покосился на вентилятор, потом – на электрокардиограф. Если частота сердечных сокращений упадет или снизится содержание кислорода в крови, аппарат немедленно подаст сигнал...

Тем не менее, если Джош выживет, ему, Марку, придется несладко. Он не спал почти всю ночь, размышляя о случившемся. Вывод – хоть и весьма неприятный – напрашивался сам собой: благоприятный исход его не устраивает.

9

Зал заседаний номер 1 Льюисского суда всегда производил на Роя Грейса гнетущее впечатление. Казалось, он специально создан для того, чтобы сильнее воздействовать на присутствующих. В здании суда было еще несколько залов, но этот, в георгианском стиле, с высоким сводчатым потолком, доминировал над остальными. Места для публики на галерке, обшитые дубовыми панелями стены, скамья подсудимых из мореного дуба и место для дачи свидетельских показаний за барьером... Сейчас председательствовал облаченный в парик судья Дрисколл. Судье было давно пора на покой: похоже, он дремал в кресле с ярко-красной обивкой под гербом с надписью: «Dieu et mon droit»[3 - «Бог и мои права» (фр.)]. Зал заседаний напоминал старую театральную декорацию, где витали ароматы давно не убиравшегося школьного класса.

Грейс стоял на месте для свидетелей. Как всегда, собираясь в суд, он оделся аккуратно: синий костюм, белая рубашка, неброский галстук и тщательно начищенные черные ботинки. Рой выглядел неплохо, но чувствовал он себя скверно: отчасти из-за недосыпа после вчерашнего свидания – кстати, обернувшегося очередной катастрофой, – а отчасти от волнения. Держа в одной руке Библию и озираясь по сторонам, он в тысячный раз клялся всемогущим Господом, что будет говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

Присяжные выглядели как обычно: словно стайка туристов, потерявшихся на вокзале. Пестрая группа, одетая в кричащих расцветок свитера, рубашки без галстуков и мятые блузки, а над ними – два ряда ничего не выражающих бледных лиц. На столах перед присяжными – графины с водой, стаканы и множество разбросанных как попало листков с записями. Возле судьи громоздится техника: видеоплеер, слайд-проектор и огромный магнитофон. Перед столом судьи из-за кучи электронного оборудования выглядывает чопорная стенографистка. Электрический вентилятор на стуле поворачивается то вправо, то влево, почти не освежая удушливый и спертый послеполуденный воздух. На галерке полным-полно журналистов и зевак. Ничто так не привлекает посетителей, как дела по обвинению в убийстве. А этот процесс стал местным событием года.

Рой Грейс считал все происходящее своей огромной победой.

На скамье подсудимых восседал Суреш Хоссейн – толстяк с рябой физиономией и зачесанными назад волосами, одетый в коричневый костюм в узкую белую полоску и пурпурный атласный галстук. Он наблюдал за происходящим с таким видом, словно был владельцем всего зала, а процесс затеян для его личного удовольствия. Мерзавец, подонок, хозяин жалких мебелирашек в трущобах. Последние десять лет к нему было невозможно подступиться, однако Рою Грейсу наконец удалось поймать негодяя с поличным. Преступный сговор с целью совершения особо тяжкого преступления. Впрочем, убитый – Рэймонд Коэн, конкурент Хоссейна – был ничуть не меньшим мерзавцем. Если процесс пойдет как положено, то Хоссейну предстоит отсидеть больше, чем ему отпущено судьбой, а сотни мирных граждан Брайтона и Хоува наконец-то вздохнут спокойно без его прихвостней, чуть ли не ежечасно превращавших их жизнь в ад.

Грейс мысленно вернулся ко вчерашнему вечеру. Клодин. Клодин-чтоб-тебя-Ламонт! Да, он виноват – опоздал на час сорок пять. Но ведь и ее фото,

вывешенное на веб-сайте, было сделано в лучшем случае десять лет назад! Кроме того, она не предупредила о том, что не пьет, не ест мяса и терпеть не может полицейских, а в жизни ее, кажется, интересуют только девять подобранных на улице кошек.

А Грейс любил собак. Нет, он ничего не имел против кошек, но еще не встречал ни одной, с которой бы у него сразу установились дружеские отношения – в отличие от практически любой собаки. За два с половиной часа, проведенных в мрачноватом вегетарианском ресторане в Гилдфорде, он прослушал целую лекцию о свободолюбивом нраве кошек, подробный отчет о мерзостях, творимых британской полицией, а также доклад о мужчинах, видящих в женщине исключительно сексуальный объект. Избавившись от Клодин Ламонт, Рой вздохнул с облегчением.

Ночью он спал плохо, то и дело просыпаясь, и все утро проторчал в суде, ожидая, когда его вызовут. Ох и туго же ему придется! Дождь все не утихал, однако влажный воздух заметно прогрелся, и Грейс чувствовал, как по спине стекают струйки пота.

Встал адвокат обвиняемого. К удивлению суда, в качестве свидетеля он вызвал Грейса. Вид у защитника в коротком сером парике и просторной черной мантии был весьма надменный – он стоял, презрительно поджав губы. Ричард Чаруэлл, королевский адвокат. Грейс уже встречался с ним раньше, но добрых воспоминаний эти встречи не оставили. Он терпеть не мог адвокатов, для которых суд – всего лишь игра. Им не приходится рисковать жизнью, чтобы схватить преступника. И им совершенно наплевать на то, что натворил их подзащитный.

– Вы – детектив-суперинтендант Рой Грейс из отдела уголовного розыска – Сассекс-Хаус, Холлингбери, Брайтон? – прищурился адвокат.

– Да, – ответил Грейс. Почему-то вместо его обычного голоса из горла вырвалось какое-то сипение.

– И вы вели расследование по данному делу?

– Да, – вновь прохрипел Рой.

- Представляю суду данного свидетеля.

Последовала короткая пауза. Все молчали. Королевский адвокат Ричард Чаруэлл приковал к себе внимание всего зала. Опытный актер с безукоризненной внешностью, он держал паузу нарочно. Когда Чаруэлл заговорил, внезапная перемена тона должна была продемонстрировать, что совершенно неожиданно он превратился в лучшего друга Роя Грейса.

- Суперинтендант, я прошу вашей помощи в разъяснении одного вопроса. Знакома ли вам фигурирующая в деле улика - коричневый мокасина крокодиловой кожи с золотой цепочкой?

Прежде чем ответить, Грейс несколько секунд смотрел адвокату в глаза.

- Да, знакома. - Его охватило волнение. Еще до того, как Чаруэлл произнес следующую фразу, у детектива возникло ужасное предчувствие. Он понял, куда тот метит.

- Пожалуйста, сообщите нам добровольно, кому вы показывали мокасина. В противном случае мне придется выжимать из вас это признание.

- Сэр, мне не совсем понятно, к чему вы клоните.

- А по-моему, суперинтендант, вы прекрасно понимаете, о чем речь.

- Мистер Чаруэлл, прошу вас, ближе к делу! - вмешался раздраженный, словно пробудившийся от спячки медведь, судья Дрисколл. - Мы не можем тянуть целый день.

- Слушаюсь, ваша честь, - елеиным голосом протянул адвокат и вновь повернулся к Грейсу: - Суперинтендант, верно ли, что вы использовали эту важнейшую улику, а именно - мокасина, в личных целях?

Чаруэлл взял туфлю со стола и помахал ею над головой, словно только что завоеванным спортивным кубком.

– Я бы не стал применять для описания своих действий слово «использовать», – буркнул Грейс, раздраженный высокомерием адвоката, в то же время прекрасно понимая, что тот нарочно пытается разозлить его, вывести из себя...

Чаруэлл неторопливо поставил мокасин на место.

– Понятно. Значит, вы не считаете, что использовали улику. – Не дожидаясь возражений Грейса, он продолжал: – Заявляю, что вы злоупотребили служебным положением, забрав улику и отнеся ее черному магу-любителю!

Повернувшись к судье Дрисколлу, защитник продолжал:

– Ваша честь, я намерен доказать суду, что соскоб для анализа ДНК, взятый с данной туфли, не заслуживает доверия, так как суперинтендант Грейс на некоторое время самовольно изымал улику и мог проделать с ней любые манипуляции.

Он вновь повернулся к Грейсу:

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, суперинтендант. 9 марта сего года, в четверг, вы возили данное вещественное доказательство в Гастингс, к так называемому медиуму – женщине по имени миссис Стемп. Вероятно, сейчас вы заявите, будто мокасин побывал в ином мире, не так ли? В нематериальном мире!

– Миссис Стемп – особа, о которой я придерживаюсь весьма высокого мнения, – возразил Грейс. – Она...

– Суперинтендант, нас не интересует ваше мнение. Нас интересуют только факты.

– По-моему, его мнение в данном вопросе имеет очень большое значение! – внезапно оживился судья.

После нескольких секунд молчаливой дуэли Чаруэлл нехотя кивнул.

– В прошлом она очень помогла мне в ряде расследований, – продолжал Грейс. – Три года назад Мэри Стемп снабдила меня важными сведениями, благодаря которым удалось установить имя подозреваемого в убийстве. Ее помощь привела к его аресту и последующему осуждению.

Рой осекся, заметив, что публика и присяжные не сводят с него напряженных взглядов, и, обращаясь к защитнику, заговорил:

– Позвольте ответить на ваше обвинение о якобы самовольном изъятии важной улики. Если бы вы внимательно изучили все записи и взглянули на упаковку, то увидели бы, что на ярлыке указано время, когда я забрал вещдок и когда вернул его на место. Защита знала о данной улике с самого начала. Туфлю обнаружили у дома мистера Коэна в ночь его исчезновения. Однако защита ни разу не попросила предоставить улику для подобной проверки.

– Стало быть, вы, суперинтендант Грейс, старший офицер полиции, в своей работе регулярно прибегаете к помощи темных сил?

В зале послышались смешки.

– Я бы не называл это «темными силами», – возразил Грейс. – Скорее, это – источники дополнительной информации. А долг полиции – использовать для раскрытия преступления все возможные средства.

– Значит, вас можно со всеми основаниями назвать оккультистом? – нахмурился Чаруэлл. – Вы верите в сверхъестественное?

Грейс посмотрел на судью Дрисколла. Тот сверлил его таким взглядом, словно Рой сам выступал на процессе в качестве обвиняемого. Отчаянно пытаясь придумать достойный ответ, Грейс оглядел присяжных, галерку, а потом снова посмотрел на адвоката. И тут его внезапно осенило.

– Что от меня потребовали первым делом, как только я занял место в кабине для свидетелей? – Приободрившись, Грейс чуть повысил голос и, не дожидаясь ответа адвоката, продолжил: – От меня потребовали присягнуть на святой Библии! – Он перевел дух. – Бог – это сверхъестественное существо – точнее, высшее существо сверхъестественного происхождения. И если суд признает свидетелей, присягающих именем сверхъестественного существа, было бы

странно утверждать, что я, как и все остальные в этом зале, не верю в сверхъестественное!

– Больше вопросов не имею, – проворчал адвокат, садясь.

Встал обвинитель – тоже в парике и шелковой мантии – и обратился к судье Дрисколлу:

– Ваша честь, прошу перенести обсуждение вопроса в ваш кабинет.

– Все это довольно необычно, – пожал плечами судья Дрисколл, – но я рад, что дело разрешилось надлежащим образом. Однако, – он перевел взгляд на Грейса, – надеюсь, что дела, которые я рассматриваю, основаны на реальных уликах, а не на высказываниях какой-нибудь колдуньи!

Зал взорвался хохотом.

Процесс продолжался – вызвали еще одного свидетеля защиты, некоего Рубиро Вальенте, собиравшего с жильцов квартплату для Суреша Хоссейна. Рой Грейс остался послушать, что будет заливать этот итальяшка. Обвинитель коршуном налетел на свидетеля и к дневному перерыву не оставил от его показаний камня на камне. Грейс мог только надеяться, что вранье Вальенте затмит историю с мокасином.

Однако надежда померкла, стоило ему выйти на улицу подышать воздухом и перекусить сандвичем. Висевшая на противоположной стороне улицы светящаяся бегущая дорожка с новостями местной газеты «Аргус» извещала весь мир:

СТАРШИЙ ОФИЦЕР ПОЛИЦИИ – ОККУЛЬТИСТ!

Неожиданно Грейсу нестерпимо захотелось выпить и закурить.

Как ни старательно Майкл гнал от себя мысли о еде, от голода сосало под ложечкой. Желудок терзала тупая боль, словно его жгло изнутри. Голова кружилась, руки дрожали, перед глазами мелькали сочные гамбургеры с толстенькими ломтиками жареной картошки и кетчупом... Не успел он отделаться от картошки, как ее сменили вареные омары, потом – поджаристая кукуруза, а дальше – грибы под чесночным соусом... яичница... сосиски... шипящий на сковородке бекон...

Крышка гроба давила на лицо, и Майкла вновь охватила паника. Пульс участился, воздуха не хватало. Он закрыл глаза и попытался представить, что ему хорошо, что он в теплых краях, на яхте – где-нибудь в Средиземном море. Вокруг плещут волны, над головой кружат чайки, он вдыхает ароматный соленый воздух. Но с обеих сторон давили стенки гроба, стискивали, душили... Он нашарил на груди фонарик и включил его. Батарейка садилась – скоро вырубится совсем. Дрожащими пальцами Майкл осторожно отвинтил колпачок бутылки, поднес ее к губам и, хлебнув немного виски, прополоскал запекшийся рот. Он растягивал каждую каплю, наслаждаясь этими мгновениями. Вскоре паника отступила, и Майкл задышал ровнее.

Прошло несколько минут после того, как он проглотил жидкость, и тепло, прокатившись по пищеводу, ушло вниз, в желудок. И только тогда он вспомнил, что нужно завинтить колпачок. Осталось полбутылки. По глотку в час!

Во всем нужен порядок.

Майкл выключил фонарик, пытаясь сберечь батарейки. Любое движение давалось с трудом. Руки и ноги онемели: он то дрожал от холода, то покрывался липким, горячим потом. Голова гудела – как бы пригодилась сейчас таблетка парацетамола! Отчаянно хотелось услышать сверху какой-нибудь шум, голоса... выбраться отсюда.

И поесть.

Каким-то чудом батарейки, от которых работала портативная рация, оказались такими же, как и в фонарике. По крайней мере, они остаются про запас. Хоть

что-то. Единственная хорошая новость. А еще – каждый час он может отпивать по глоточку виски.

Порядок сдерживает панику.

Если есть чем заняться, остаешься в здравом уме. Пять лет назад Майкл переплывал Атлантику на тридцативосьмифутовом шлюпе – прошел от Чичестера до Барбадоса. Провел двадцать семь дней в открытом море, пятнадцать из них – в сплошных штормах: в основном не ниже семи баллов, но бывало и десять-одиннадцать. Пятнадцать дней в аду. Вахтенные сменялись каждые четыре часа. Волны сотрясали все кости, и шлюп то подбрасывало, то швыряло вниз. Дрожали переборки, цепи и оснастка бились о палубу и мачту, ложки, вилки и ножи звенели в отсеках. Команда справилась с трудностями благодаря неуклонному соблюдению режима. Они разбили каждый день на часы, а часы – на более мелкие промежутки. Отламывали по кусочку от плитки шоколада. Отмеряли глотки воды. Прочитывали определенное количество страниц. Сверялись с компасом. По очереди выкачивали помпой воду из трюма.

Порядок придает сил и уверенности. Уверенность позволяет смотреть вперед. А когда смотришь вперед, перед тобой открывается горизонт.

А видя горизонт, конечно же, успокаиваешься.

Майкл решил отмечать начало каждого нового часа маленьким глотком виски. Осталось полбутылки, а его «горизонтом» стала тонкая часовая стрелка. Часы подарила ему Эшли – оправленный в серебро хронометр швейцарской фирмы «Лонжин» со светящимися римскими цифрами. Самые классные часы из всех, какие у него когда-либо были. У Эшли потрясающий вкус. Она вообще потрясающая. В ней все прекрасно – и каштановые волосы, вьющиеся на концах, и классические точеные черты лица, и походка, и уверенность в разговоре. Майкл любил ходить с ней куда-нибудь. Где бы они ни появлялись, взоры всех присутствующих устремлялись на девушку. Боже, как его это заводило! Эшли не такая, как все. Она уникальна.

Мама тоже так считает, а ведь она обычно не одобряла его подружек. Но Эшли – совсем другое дело. Она не пожалела сил и очаровала маму. Вот за что еще он ее любит: она способна очаровать любого. Даже самого жалкого клиента. Майкл влюбился в Эшли в тот самый день, когда она вошла в их с Марком кабинет на

собеседование, чтобы устроиться на работу. Минуло всего полгода, и вот они женятся!

Промежность и ягодицы чертовски зудели. Дерматит! Он давно плюнул на все приличия и опорожнил мочевого пузыря. Прошло уже двадцать шесть часов.

Наверное, что-то стряслось, но Майкл понятия не имел, что именно. Двадцать шесть часов он, как проклятый, орет в рацию, жмет кнопки на мобильнике и получает тот же ответ. Нет связи.

Вторник. Эшли хотела, чтобы мальчишник устроили задолго до свадьбы. Ты напьешься и будешь паршиво себя чувствовать. А я не желаю, чтобы тебя тошнило в день свадьбы. Отгуляйте пораньше, и ты успеешь очухаться.

Майкл в сотый раз – а может, в тысячный – стукнул по крышке. Какая разница? Да никакой! Он уже пытался пробить в крышке дыру корпусом рации – единственной прочной вещью, имевшейся в его распоряжении.

Мобильник и фонарь – пластмассовые. Но даже металлический корпус уоки-токи не годился.

Майкл включил рацию.

– Алло! Отзовитесь кто-нибудь! Алло!

Треск помех.

Внезапно Майкла охватило страшное подозрение: а вдруг Эшли в курсе? И поэтому так настаивала, чтобы он устроил мальчишник пораньше, во вторник... Чтобы его засунули сюда и промариновали целые сутки, а то и больше, и никто не хватился...

Нет, не может быть! Эшли знает, что у него клаустрофобия, а она ведь совсем не жестока. Она всегда в первую очередь думает о других!

Потрясающе, сколько подарков она накупила для них с мамой. И не какое-нибудь барахло: мамины любимые духи... компакт-диск Робби Уильямса,

которого она обожает... тот самый кашемировый свитер, что она приглядела на витрине... Радио фирмы «Боуз», о чем Майкл втайне мечтал. И как только Эшли удалось узнать, что именно купить в подарок? Это не случайность, у нее такой дар – один из бесконечного списка достоинств, которые и делают ее таким чудом.

А его – счастливейшим человеком в мире.

Луч фонарика заметно потускнел. Майкл выключил его, чтобы сберечь батарейку, и снова оказался в темноте. Он лежал и слушал собственное учащенное дыхание. Что, если...

Что, если они так и не вернутся?

Почти половина двенадцатого. Майкл напряженно вслушивался в темноту. Вот сейчас... сейчас раздастся смех, сейчас он услышит голоса вернувшихся за ним друзей.

Господи, дай мне только выбраться отсюда! Они пожалеют об этой идиотской выходке, да еще как! Майкл снова посмотрел на часы. Без двадцати пяти двенадцать. Наверняка вот-вот явятся – в любую минуту.

Они не могут не прийти!

11

Сэнди стояла над ним, улыбаясь, загораживая свет, нарочно дразня его. Ее светлые распущенные волосы щекотали ему щеки.

– Перестань! Мне надо дочитать... этот рапорт... я...

– Грейс, ты такой зануда, вечно что-нибудь читаешь! – Она чмокнула его в лоб. – Читаешь, читаешь, читаешь, работаешь, работаешь, работаешь!.. – Она еще раз поцеловала его. – Ты что, меня разлюбил?

На ней было коротенькое летнее платьице, и грудь почти вываливалась наружу. Рой мельком заметил длинные загорелые ноги, подол платья, задранный до бедер, и вдруг страстно захотел ее.

Он протянул руки, чтобы погладить ее по лицу, прижать к груди, заглянуть в доверчивые голубые глаза... Просто невероятно, как страстно он ее любит!

– Я тебя обожаю, – прошептал он.

– Правда, Грейс? – поддразнила она. – Ты и впрямь больше любишь меня, чем свою работу? – Она отстранилась и шутливо надула губы.

– Я люблю тебя больше, чем...

И вдруг – темнота. Как будто кто-то выключил свет.

Грейс услышал эхо собственного голоса в холодной пустой комнате.

– Сэнди! – позвал он, но к горлу подступил ком.

Сияние солнца превратилось в слабое оранжевое мерцание – сквозь тонкую занавеску в комнату проникал свет уличного фонаря.

На дисплее электронных часов горели цифры: 3.02 утра.

Все тело – в испарине, глаза широко раскрыты, сердце бешено колотится, подпрыгивает, как боек на волнах. Грейс услышал грохот мусорного бака – видимо, туда залезла уличная кошка или лиса. Секунду слышался шум мотора – наверное, сосед через три дома. Он таксист и поздно возвращается с работы.

Какое-то время Грейс лежал неподвижно. Закрыв глаза, перевел дух, вновь попытался заснуть, изо всех сил цепляясь за воспоминания. Как и все то и дело повторяющиеся сны о Сэнди, сегодняшний казался совсем настоящим! Как будто они все еще вместе, только в другом измерении. Если бы только он мог обнаружить портал, перейти черту и соединиться с ней, им было бы хорошо – они были бы счастливы.

Счастливы до безумия!

Рою стало невыносимо грустно, но затем, стоило вспомнить вчерашнее паскудство, его прошиб холодный пот. Эта чертова газета! Поганый заголовок во вчерашнем «Аргусе». Рой вернулся к действительности! Боже, о боже! Какая еще гадость появится в утренних выпусках? С осуждением он еще как-нибудь справится. Насмешки куда хуже. Больше половины сослуживцев и так подтрунивают над ним за склонность к мистике. Предыдущий начальник полиции графства, который и сам испытывал неподдельный интерес ко всему сверхъестественному, советовал Грейсу не афишировать свои наклонности, иначе не видать ему продвижения по службе как собственных ушей.

– Рой, все знают, что у тебя особый случай – ты потерял Сэнди. Никто не собирается бросать в тебя камни за то, что ты используешь любые средства, лишь бы ее разыскать. На твоём месте мы все поступили бы так же. Но тебе придется держать свои интересы при себе. Нельзя примешивать сюда работу.

Временами Грейс как будто свыкался с мыслью о потере – тогда Рою казалось, что к нему вернулись силы. Но после таких снов он понимал, что вряд ли когда-нибудь оправится окончательно. Ему так страстно хочется обнять Сэнди за плечи, прижаться к ней, все ей рассказать... Она всегда была оптимисткой, для которой стакан наполовину полон, а не наполовину пуст; с уверенностью смотрела в завтрашний день и не сомневалась, что все наладится. Сэнди помогла Грейсу пережить дисциплинарный суд в самом начале его работы в полиции, когда он вполне мог вылететь со службы. На Роя подали жалобу – при задержании грабителя он превысил служебные полномочия. Тогда его оправдали во многом благодаря советам Сэнди. Вот и сейчас... она бы точно знала, как быть.

Иногда ему казалось, что эти сны – попытки Сэнди связаться с ним из другого мира, где бы тот ни находился...

Сестра Роя Джоди внушала ему, что жизнь продолжается, и советовала принять смерть Сэнди как данность, стереть ее голос на автоответчике, убрать одежду из шкафа и зубную щетку – из ванной. Короче говоря, – иногда Джоди бывала очень резкой, – надо перестать поклоняться Сэнди, словно какой-нибудь святыне, и начать все с нуля.

Но как тут начнешь все с нуля? Что, если Сэнди жива и ее держит в заложницах какой-нибудь маньяк? Рой продолжал искать ее, не закрывал компьютерный сайт, обновлял фотографии так, чтобы было видно, как она выглядела бы сейчас, внимательно разглядывал лица прохожих на улице, в толпе... Ну нет, Грейс будет продолжать поиски до тех пор, пока...

Пока – что?

Дискуссия закончена.

В тридцатый день рождения Роя Сэнди разбудила его: принесла поднос с маленьким тортиком, где горела единственная свеча, бокалом шампанского и самой обыкновенной поздравительной открыткой. Он тогда вскрыл ее подарки, а потом они занялись любовью. Грейс вышел из дому позже обычного, в четверть десятого, и приехал в брайтонское управление после половины десятого, опоздав на брифинг по делу об убийстве. Он обещал Сэнди вернуться домой пораньше, чтобы отпраздновать день рождения с друзьями – тогда это был его лучший друг Дик Поуп, тоже сотрудник уголовного отдела, и его жена Лесли, с которой Сэнди прекрасно ладила. Однако день выдался изнурительным, и Рой приехал домой почти на два часа позже, чем собирался. Сэнди нигде не оказалось.

Сначала он решил, что таким образом она показывает, как рассердилась на его опоздание. В доме, как всегда, царил порядок, только ее машина и сумочка бесследно исчезли. Никаких следов борьбы Рой не заметил.

Через сутки ее машину обнаружили на стоянке в аэропорту Гатуик. В день исчезновения Сэнди с ее кредитной картой было проведено две операции: платеж на сумму семь пятьдесят в аптеке Бута и еще один, на шестнадцать сорок два, – за бензин на заправочной станции «Теско». Жена не взяла с собой ни одежды, ни других вещей.

Соседи на их тихой улочке, выходящей на море, ничего не видели. По одну сторону их дома жила на редкость дружелюбная греческая семья – владельцы пары кафе, – но они тогда были в отпуске. Соседка слева, пожилая вдова, была туговата на ухо. Она засыпала, включив телевизор на полную катушку. Вот и сейчас, без четверти четыре утра, Рой слышал, как у нее надывается какой-то американский полицейский сериал (у них была общая стенка). Пистолетные

выстрелы, визг шин, вой сирен... Вдова тоже ничего не видела.

Единственная, от кого он надеялся хоть что-то узнать, была Норин Гринстед, жившая напротив. Бдительная и пугливая соседка, которой давно перевалило за шестьдесят, всегда знала, кто чем занимается. Если Норин не ухаживала за мужем Лэнсом, которого стремительно подтачивала болезнь Альцгеймера, то вечно торчала на улице в желтых резиновых перчатках – драила свой серебристый «Ниссан», поливала и скребла дорожку, мыла окна или еще что-нибудь – независимо от того, нужно было это мыть или нет. Она даже выносила коврики и выбивала их перед домом.

От острых глаз Норин почти ничего не ускользало, однако Сэнди она каким-то образом упустила.

Грейс включил свет и встал с постели, скользнув взглядом по фотографии на ночном столике. Они снялись вместе с Сэнди в одном из отелей Оксфорда, куда ездили на конференцию, посвященную проблемам ДНК и отпечатков пальцев. Это было за несколько месяцев до ее исчезновения. Грейс – в костюме и при галстукe – сидит, развалился в шезлонге, Сэнди в вечернем платье прижимается к нему: светлые кудряшки и всегдашняя улыбка на лице, на сей раз обращенная к официанту, которого они попросили сделать снимок.

Грейс вынул фото из рамки, поцеловал его, вставил на место и отправился помочиться: с недавних пор мочевого пузырь будил его посреди ночи – заботясь о здоровье, он теперь выпивал рекомендуемые восемь стаканов жидкости в день. Потом он побрел вниз в одной футболке, в которой и спал.

У Сэнди был такой замечательный вкус! Сам по себе их дом – вернее, полдома, так как они имели общую стену с соседями, – был скромным жилищем, построенным в псевдотюдоровском стиле в тридцатых годах прошлого века. И только благодаря Сэнди здесь стало уютно. Она обожала просматривать воскресные приложения к газетам, женские и дизайнерские журналы. Делала вырезки, обсуждала с ним приглянувшиеся картинки. Они много часов трудились над интерьером: сами клеили обои, циклевали полы, покрывали их лаком, красили...

Сэнди увлекалась фэн-шуй и украсила маленький садик фонтаном, заполонила дом свечами, покупала, когда могла, только натуральные продукты... Она всем

интересовалась, обо всем расспрашивала и все подвергала сомнению – и за это он ее любил. Как здорово было строить планы на будущее!

Вдобавок Сэнди была еще и прекрасной садовницей: разбиралась в цветах, кустарниках и деревьях, знала, когда что надо сажать... Грейс умел подстригать газоны, но на том его навыки и заканчивались. Сейчас их сад пришел в запустение, и от этого Рой испытывал угрызения совести. Иногда он задавался вопросом: что бы она сказала, вдруг вернувшись?

Машина Сэнди до сих пор стоит в гараже. После того как автомобиль вернули, судебные эксперты изучили его буквально под микроскопом. А потом он пригнал машину домой и запер в гараже. Несколько лет он подзаряжает аккумулятор – на всякий случай... Точно так же он хранит в спальне тапочки и платья Сэнди, зубную щетку в стакане...

Он все еще ждет, когда она вернется.

Окончательно проснувшись, Грейс налил себе «Гленфиддиша» и плюхнулся на кресло в гостиной. Щелкнув пультом, включил телевизор. Посмотрел три фильма, потом пробежался по нескольким спутниковым каналам, но ничто не привлекало его внимания дольше нескольких минут. Послушал музыку: «Битлз», Майлза Дэвиса, Софи Эллис-Бакстер... и выключил плеер.

Взял одну из своих любимых книг – «Сокровенное» Колина Уилсона. Книги, посвященные паранормальным явлениям, плотными рядами заполняли стеллажи снизу доверху. Грейс вяло листал страницы, потягивая виски и не в силах сосредоточиться больше чем на паре абзацев.

Вот ведь дрянь этот адвокатишка! Сегодня он всласть поиздевался над Роем в суде, и тот никак не мог отделаться от мыслей о нем. Ах ты, сукин сын, Ричард Чаруэлл! Напыщенный говнюк. Хуже того, Грейс понимал, что защитник его обскакал. Обманул и ловко провел. Вот что по-настоящему обидно.

Он снова взял пульт и переключился на телетекст. Все те же тухлые позавчерашние новости. Никакого крупного политического скандала, никакой выходки террористов, ни землетрясения, ни авиакатастрофы... Грейс никому не желал зла, но уповал, что утром появится какая-нибудь потрясающая новость и попадет на первые полосы газет и на радио. Что-то поинтереснее суда над

Сурешем Хоссейном.

Ему не повезло.

12

Две общеизвестные бульварные газеты и одна солидная поместили отчеты о процессе над Хоссейном на первых полосах, все остальные – на второй или третьей.

Основной интерес вызвало не столько судебное разбирательство, сколько свидетельские показания суперинтенданта уголовной полиции Роя Грейса. В половине девятого утра его вызвали на ковер к начальству. Рой стоял перед своей шефиной Элисон Воспер, и ему казалось, что время пошло вспять и он снова переминается с ноги на ногу в кабинете директора школы.

Кто-то из сослуживцев Роя прозвал начальницу «Номер 27», и это прозвище прилипло к ней намертво. В меню местного китайского ресторанчика, торгующего навынос, под номером двадцать семь значилась свинина под кисло-сладким соусом. Теперь, когда кто-то заказывал блюдо номер 27, говорили: «Элисон Воспер». Именно такой она и была – кисло-сладкой.

Сегодня замначальника уголовной полиции Элисон Воспер, женщина чуть за сорок с жидкими, коротко стриженными светлыми волосами и костлявым, но не лишенным привлекательности лицом, пребывала в определенно кислом настроении. Роя раздражал даже резкий цветочный аромат ее духов.

На ней был строгий черный костюм с накрахмаленной белой блузкой. Сидела Элисон за огромным письменным столом из полированного палисандра. Ее кабинет, где царил безукоризненный порядок, располагался на первом этаже управления полиции в Льюисе, занимавшего особняк эпохи королевы Анны. Окна выходили на подстриженный газон. На столе – пусто, если не считать высокой хрустальной вазы с тремя пурпурными тюльпанами да аммонитовой подставки для ручек. На краю стола – семейная фотография в рамочке: муж и двое детей. Супруг Элисон тоже служил в полиции и, хотя был на несколько лет старше

жены, недотягивал до нее на три чина. Взгляд Роя упал на стопку утренних газет, раскинутых веером, словно раскрытые карты в покере.

Иногда Грейс дивился тому, как начальству удается содержать свои кабинеты – и рабочие столы – в порядке. Его собственное рабочее место всегда напоминало свалку. Залежи полуразвалившихся папок, письма, так и оставшиеся без ответа, потерянные ручки, квитанции, исходящие бумаги, которые никак не сходились с входящими... Рой решил: чтобы подняться на самый верх, необходимо обладать навыками канцелярской работы. У него, видимо, такие способности отсутствуют. На генетическом уровне.

Ходили слухи, будто года три назад Элисон Воспер удаляли рак груди. Грейс понимал, что это, скорее всего, только байки, так как заместитель начальника полиции воздвигла вокруг своей личной жизни настоящую стену. Тем не менее в ней чувствовалась какая-то ущербность. Откровенно говоря, иногда Роя влекло к шефине: особенно когда в ее пронизательных карих глазах вспыхивали веселые огоньки. Тогда ему казалось, что Элисон чуть ли не заигрывает с ним. Однако сегодня утром ей было явно не до флирта.

Она не протянула руки и даже не поздоровалась, а лишь сухо кивнула на один из двух стульев с высокой спинкой перед столом, после чего сразу взяла быка за рога. В ее взгляде читались и упрек, и откровенная ярость.

– Рой, что, черт побери, это значит?

– Извини.

– Извини?

Он кивнул:

– Я... дело в том, что мои слова вырваны из контекста...

– Ты хоть понимаешь, что из-за твоей оплошности может рассыпаться все дело? – перебила она, не дав закончить фразу.

– По-моему, мы можем это уладить.

– Сегодня утром репортеры достали меня звонками. Ты превратился в посмешище. Из-за тебя мы все выгядим скопищем идиотов. Зачем ты сотворил такую глупость?

Несколько секунд Грейс молчал, собираясь с мыслями.

– Эта женщина-медиум – просто чудо. Она уже помогала нам в прошлом. Мне и в голову не приходило, что кто-то про нее узнает.

Воспер откинулась на спинку кресла и, глядя Грейсу в глаза, медленно покачала головой:

– У меня на тебя были большие планы. Тебя и повысили благодаря мне. Я поддерживала тебя, Рой. Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь, правда?

Дело обстояло не совсем так, но сейчас не самый подходящий момент для споров.

– Знаю, – кивнул Рой, – и очень тебе признателен.

Номер 27 ткнула пальцем в газеты:

– И вот как ты меня отблагодарил! Вот чем ты мне отплатил!

– Перестань, Элисон. Я ведь задержал Хоссейна.

– А теперь подбросил его защите крупный козырь, с которым они вполне могут развалить обвинение!

– Ничего подобного! – не выдержал Рой. – Туфлю уже осматривали эксперты. Я расписывался, когда брал ее, и еще раз – когда возвращал. Им не удастся пришить мне самовольное изъятие улики! Пусть я иногда прибегаю к нетрадиционным методам, но ведь они не повлияли на ход расследования!

Элисон Воспер принялась разглядывать свои длинные наманикюренные ногти. Рой заметил, что кончики пальцев у нее почернели от типографской краски. Ему показалось, что исходящий от нее запах стал еще резче, словно она была каким-

то ядовитым животным.

- Ты старший офицер, ты вел дело. И если позволишь дискредитировать себя, последствия могут быть очень серьезны. Зачем, черт побери, ты сотворил такую глупость?

- У нас в самом разгаре процесс по делу об убийстве. Мы точно знаем, что Хоссейн заказал Рэймонда Коэна, но трупа нет, верно?

Элисон кивнула. Грейс представил впечатляющие и убедительные улики.

- Отсутствие трупа - всегда слабое звено. - Он пожал плечами. - В прошлом мы неоднократно пользовались услугами экстрасенсов - как и вся полиция нашей страны. Вспомнить хотя бы Лесли Уиттл...

Дело об исчезновении Лесли Уиттл в свое время прогремело на всю страну. В 1975 году семнадцатилетнюю богатую наследницу похитили, и она исчезла, словно растворилась в воздухе. Поскольку полиции так и не удавалось обнаружить тело, детективы наконец прислушались к словам одной известной ясновидящей, практиковавшей лозоходство. Именно лоза указала на канализационный люк, где была спрятана несчастная задушенная девушка.

- Рой, дело Лесли Уиттл едва ли можно считать победой полиции.

- Были и другие случаи, - возразил он.

Элисон Воспер молча уставилась на суперинтенданта. Вдруг на щеках у нее заиграли ямочки - могло показаться, будто она сменила гнев на милость, однако голос ее по-прежнему звучал холодно и сурово.

- Случаи, в которых мы добились успеха при помощи ясновидящих, можно по пальцам пересчитать!

- Неправда, и ты все прекрасно понимаешь!

- Рой, я понимаю одно... Ты - человек умный. Я знаю, что ты много времени посвящаешь изучению паранормальных явлений и веришь в это. Я видела книги

у тебя в кабинете и уважаю тех офицеров полиции, кто умеет нестандартно мыслить. Но у нас есть долг перед обществом. То, что творится за закрытыми дверями, – одно. И совсем другое – образ, представляемый нами на публике.

– Но, Элисон, публика тоже верит! В двадцать пятом году провели опрос среди ученых. Их спрашивали, верят ли они в Бога. Сорок три процента ответили «да». Точно такой же опрос повторили в девяносто восьмом, и знаешь, какой получился результат? Положительный ответ дали все те же сорок три процента. Единственное отличие – в том, что среди верующих оказалось меньше биологов, зато больше математиков и физиков. Проводился и другой опрос – только в прошлом году. Людей спрашивали, происходило ли с ними что-либо сверхъестественное. Девяносто процентов ответили «да»! – Рой придвинулся ближе к столу. – Девяносто процентов!

– Рой, обывателю хочется верить, что полиция тратит деньги налогоплательщиков на расследование преступлений и поимку преступников традиционными методами. Людям приятно думать, будто мы ползаем с лупой в поисках отпечатков пальцев и образцов ДНК, что у нас много лабораторий с кучей экспертов и что мы денно и ночью прочесываем поля и леса, осушаем болота, стучимся в двери и допрашиваем свидетелей. Им совсем ни к чему знать, что мы советуемся с мадам Аркатой, что принимает клиентов в конце Брайтонского пирса, смотрим в хрустальный шар и вращаем блюдечко! Налогоплательщики полагают, что, обращаясь к потустороннему миру, мы попусту тратим драгоценное время. Полицейский, блуждающий по древним развалинам, словно Гамлет, беседуя с духом отца, доверия не заслуживает. Ты понимаешь, к чему я веду?

– Да, понимаю. Позволь с тобой не согласиться. Наше дело – расследовать преступления. И мы должны пользоваться любыми подручными средствами.

Элисон упрямо замотала головой:

– Нам все равно не раскрыть всех преступлений, и с этим придется смириться. Однако обществу необходимо внушать уверенность. Надо, чтобы людям спокойно спалось у себя дома и чтобы они ходили по улицам без опаски.

– Полная чушь! – возмутился Грейс. – Ты прекрасно понимаешь, что манипулировать статистикой легче легкого. – Еще не договорив, он пожалел о

своей несдержанности.

Начальница наградила его холодной, неприязненной улыбкой:

– Пусть правительство выделит нам еще сто миллионов фунтов в год, и мы искореним преступность в Сассексе. А пока нам остается только одно – как можно разумнее распределять ресурсы.

– Медиумы стоят дешево, – пожал плечами Грейс.

– Зато они подтачивают доверие к нам. – Элисон Воспер перевела взгляд на газеты. – Когда экстрасенсы ставят под угрозу результат судебного разбирательства, они обходятся слишком дорого. Я достаточно ясно выразилась?

– Если и неясно, то, по крайней мере, громко, – не смог удержаться от дерзости Рой. Сейчас Элисон его раздражала. Должно быть, он – закоренелый шовинист, раз ему так невыносима выволочка, устроенная женщиной.

– Позволь, я выражусь яснее. Сегодня тебе крупно повезло, что ты не вылетел с работы. Шеф не в восторге от твоей выходки. Он так разозлился, что угрожал навеки отстранить тебя от оперативной работы и до конца службы приковать к письменному столу. Ты этого добиваешься?

– Нет.

– Тогда кончай валять дурака и вспомни о том, что ты – полицейский.

13

Впервые с тех пор как Рой Грейс пришел в полицию, он задался вопросом, так ли уж необходимо было становиться блюстителем закона? С раннего детства он ни о чем другом не мечтал, да и став старше, не помышлял об иной профессии.

Его отец Джек дослужился до инспектора уголовной полиции. Кое-кто из офицеров постарше еще помнил старика и тепло отзывался о нем. В детстве Грейс обожал отца. Он любил слушать его рассказы, кататься в патрульной машине, таскаться за ним на работу. Малышу Роя профессия отца казалась яркой и полной приключений – куда интереснее, чем у отцов других мальчишек.

Тогда Грейс смотрел все полицейские телесериалы, читал всевозможные детективы и боевики – от Шерлока Холмса до Эда Макбейна. Память у него была почти фотографическая, он любил разгадывать головоломки и при этом рос на редкость крепким мальчиком. После рассказов отца Рой проникся уверенностью, будто все полицейские – одна семья, где сильно развиты дух товарищества и чувство локтя.

Но в такие дни, как сегодня, он понимал, что работа полицейского заключается не только в том, чтобы вкалывать на пределе возможностей, но и уметь приспособливаться к посредственностям, от которых никуда не деться. В современном политкорректном мире офицеру правоохранительных органов часто приходится чувствовать себя политической пешкой.

Последнее повышение по службе, сделавшее Роя вторым из самых молодых суперинтендантов уголовной полиции за всю историю Сассекса, еще три месяца назад приводило его в восторг. Теперь же оказалось, что высокий пост – это чаша с ядом.

Взлет по службе сопровождался переходом из шумного отдела в самом центре Брайтона, где работали почти все его друзья, в относительно тихое помещение бывшего завода в промзоне на окраине, совсем недавно отремонтированного и отданного под штаб-квартиру уголовной полиции Сассекса.

Прослужив тридцать лет, можно уйти на пенсию. Не важно, как ты работал, – если выдержишь эти три десятка, остаток жизни голодать не придется. Но Рой не так представлял себе свою карьеру. По крайней мере, обычно он относился к этому по-другому.

Но сегодняшней день изрядно подрубил ему крылья и показал, как все обстоит на самом деле. Условия изменились, думал он, сгорбившись за столом, не обращая внимания на попискивание, свидетельствующее о том, что на его электронный почтовый ящик пришло очередное сообщение. Он жевал сандвич

из черного хлеба с яйцом и кресс-салатом и просматривал стенограммы судебного процесса над Сурешем Хоссейном. Жизнь не стоит на месте. Иногда перемены оборачиваются к лучшему, иногда – не очень. Еще год с небольшим, и ему стукнет сорок. В волосах уже пробивается седина.

А его новый кабинет слишком тесен.

Три дюжины фирменных зажигалок – его коллекция – кое-как разбросаны на полочке в простенке между столом и окном, откуда вид открывался вовсе не на лужайку, как у Элисон Воспер, а на стоянку и камеры КПЗ. На стене за спиной больше всего места занимали большие круглые деревянные часы, которые снимались в знаменитом телесериале «Полицейская работа» об участке в лондонском Ист-Энде. Их Рою подарила Сэнди на двадцать шесть лет.

Под часами красовалось чучело форели весом в семь фунтов и шесть унций, пойманной им несколько лет назад в Ирландии. Грейс нарочно повесил его под часами, чтобы было чем подкалывать подчиненных – мол, без труда не выловишь рыбу из пруда.

По обе стороны от чучела висело несколько документов в рамках и групповой снимок с подписью: «Брамсхиллский полицейский колледж. Отделение тяжких и серийных преступлений. 1997 год», две карикатуры на него, нарисованные одним из сотрудников оперативного отдела, прирожденным художником. Противоположную стену занимали стеллажи с книгами (в основном – эзотерикой) и папками с делами.

Его письменный стол в форме буквы «L» занимали: компьютеры (обычный и карманный), переполненные лотки с входящими и исходящими документами, стопки писем (как срочных, так и не очень) и, наконец, свежий номер журнала дактилоскопистов с каламбурным названием «Распальцованный мир». Над всем этим хаосом доминировал заключенный в рамку афоризм: «Мы не поднимаемся до уровня наших возможностей, а лишь опускаемся до уровня наших оправданий».

Оставшееся пространство занимали телевизор, видеоплеер, круглый стол, четыре стула и кучи папок и просто бумаг, а еще кожаная дорожная сумка, в которой находилось все необходимое для осмотра места преступления. На столе лежал открытый кейс, рядом валялись мобильный телефон, диктофон и куча

расшифрованных стенограмм, которые он вчера брал с собой домой.

Рой выбросил недоеденный сэндвич в мусорную корзину – аппетит как отшибло. Он маленькими глотками прихлебывал из кружки кофе, просматривая последние электронные письма, потом зашел на сайт полиции Сассекса и вызвал на монитор список файлов с делами, доставшимися ему после повышения от предшественника.

В каждом – подробности нераскрытого убийства. Куда компактнее, чем коробок двадцать с пухлыми папками, а то и больше, которые в противном случае громоздились бы на полу, вываливались из шкафов или покрывались плесенью в сыром гараже того участка, на территории которого было совершено убийство. В папках были снимки с места преступления, отчеты экспертов, собранные улики, показания свидетелей, стенограммы с заседаний суда, отделенные от остальных материалов и перевязанные цветной лентой. В новые обязанности входило заново изучать нераскрытые убийства, совершенные на территории графства, связываться с полицейским участком, занимавшимся тем или иным расследованием. Возможно, за прошедшие годы произошли какие-либо изменения, в результате которых дело можно было бы открыть заново.

Содержимое многих папок Рой Грейс знал наизусть благодаря почти фотографической памяти, помогавшей ему сдавать экзамены и в школе, и в полицейском колледже. Для него там были не просто отнятые человеческие жизни – и убийцы, до сих пор гуляющие на свободе! Каждое нераскрытое дело задевало Грейса за живое: ведь семья убитого не могла похоронить прошлое, ибо тайна так и осталась нераскрытой и правосудие не восторжествовало. Так как некоторым делам было уже более тридцати лет, Рой понимал, что остается последней надеждой родственников погибших.

Ричард Вентнор, ветеринар-гомосексуалист, забит до смерти в собственном кабинете двенадцать лет назад. А вот Сьюзен Дауни – красивая молодая девушка, изнасилована и задушена, ее тело пятнадцать лет назад нашли на церковном погосте. Памела Чизхолм, богатая вдова, найдена мертвой в искореженной машине – но травмы не характерны для автокатастрофы. Скелетик Пратапа Гокала, девятилетнего мальчика-индийца, обнаруженный под полом в квартире давно исчезнувшего подозреваемого-педофила. Всего несколько дел из длинного списка...

Останки жертв были преданы земле, условия изменились также и для них. В методике расследований произошел значительный прогресс, и теперь с помощью анализа ДНК можно выявить новые улики и новых подозреваемых. Интернет значительно упростил и расширил общение. Меняются законы. Появляются новые свидетели. Люди разводятся, ссорятся с друзьями. Супруги, двадцать лет назад не желавшие давать показания против своей половины, начинают ненавидеть друг друга. Дела об убийстве не закрывают никогда. Просто их называют «висяками».

Зазвонил телефон. Помощница руководителя, помогавшая как ему, так и его непосредственной начальнице Элисон Воспер, сообщила, что звонят из оперативного отдела. Соединить его с детективом? Политкорректность раздражала Роя Грейса все больше и больше, особенно – в полиции. Не так давно их называли попросту секретаршами, а теперь – фу-ты ну-ты, помощница руководителя!

Он попросил соединить, и через секунду в трубке послышался знакомый голос Гленна Брэнсона, умницы, фанатично преданного делу детектива-сержанта, с которым ему неоднократно доводилось работать в прошлом. Помимо всего прочего, Гленн был живой энциклопедией во всем, что касалось кино. Грейсу Гленн Брэнсон нравился – возможно, сержант был его самым близким другом.

– Рой! Как делишки? Читал, читал про тебя...

– Ну и заткнись. Чего надо?

– Как ты? Нормально?

– Нет. Ненормально.

– Ты сейчас занят?

– Смотря что ты имеешь в виду.

– Ты хоть раз пробовал не отвечать вопросом на вопрос?

Грейс улыбнулся:

– А ты?

– Слушай, меня тут достала одна дамочка. У нее пропал жених. Вроде был мальчишник, но там что-то произошло. В общем, его нет со вторника.

Грейс, наморщив лоб, припомнил, какой сегодня день. Ага, четверг.

– Ну да?

– Я думал, ты сегодня в суде. Позвонил тебе на мобильный, но он отключен.

– Я обедаю. В суде перерыв – судья Дрисколл рассматривает документы, представленные защитой.

Один из главных недостатков судебного процесса в том, что он отнимает много времени. Грейс, возглавлявший расследование, в ходе всего разбирательства должен постоянно находиться либо в здании суда, либо на связи. А этот процесс грозит затянуться месяца на три, и большую часть времени займут хождения вокруг да около.

– По-моему, это не совсем обычный запрос насчет пропавшего без вести, – продолжал Гленн Брэнсон. – Мне бы хотелось задействовать и твои мозги. Ты свободен сегодня вечером?

Любому другому Грейс ответил бы «нет», но он знал, что Гленн Брэнсон не бездельник. Кроме того, черт побери, именно сейчас он рад под любым предлогом удрать из кабинета, даже несмотря на поганую погоду.

– Конечно, я выкрою немного времени.

– Отлично! – Помолчав, Гленн Брэнсон предложил: – Слушай, давай встретимся на квартире у того парня. По-моему, тебе стоит взглянуть на нее. Я раздобуду ключ и буду ждать тебя там. – Брэнсон продиктовал адрес.

Грейс посмотрел на часы, сверился с органайзером.

– Давай встретимся в полпятого, идет? Заодно пропустим по стаканчику.

– Неужели тебе нужно три часа, чтобы... Хотя извини, в твои годы уже не поспоешь. Пока!

Грейс вздрогнул. Он не любил, когда ему напоминали о маячащем впереди сорокалети. Рой не представлял себе эту черту. В таком возрасте принято подводить итоги. Где-то он прочитал, что после сорока человек обретает ту форму, коей и придерживается до конца. Тридцать восемь – это еще куда ни шло, но в тридцать девять уже невольно задумываешься о грядущем юбилее. А ведь еще недавно он считал сорокалетних старичками. Вот черт!

Грейс снова просмотрел на список висяков. Иногда жертвы нераскрытых преступлений были ему ближе живых людей. Зависящие исключительно от него двадцать душ молили призвать их убийц к ответу. Они постоянно толпились в сознании Роя, когда он бодрствовал, – а иногда являлись и во сне.

14

Грейс имел право пользоваться служебной машиной, но предпочитал водить собственную «Альфа-Ромео-147». Он любил свою машину: ему нравились жесткие сиденья, плавный ход, почти спартанская функциональность салона, оглушительный выхлоп, ощущение четкости, яркие, крупные приборы на приборной доске. «Альфа» подходила ему по характеру.

Большие толстые «дворники» елозили по ветровому стеклу, сметая струи воды, шины шуршали по мокрому асфальту, из стереомагнитолы доносилось бормотание Элвиса Костелло. Руководствуясь показаниями бортового компьютера, Грейс срезал путь по гребню холма, а потом спустился вниз, в долину. За пеленой дождя начинались пригороды приморского курорта Брайтон и Хоув. Вдали высился единственный сохранившийся старый ориентир – труба Шорэмской электростанции, а еще дальше, почти сливаясь с небом, поблескивала серая полоска Ла-Манша.

Здесь, на брайтонских улицах, он и вырос. Отец, бывало, без запинки называл ему имена местных подонков – торговцев наркотиками, содержателей так называемых «массажных салонов», разодетых в пух и прах антикваров –

скупщиков старинной мебели и картин, барыг, которые сбывали краденые телевизоры и CD-плееры...

Когда-то на этом месте стояла деревня контрабандистов. Потом Георг IV выстроил здесь дворец – всего в нескольких сотнях ярдов от дома своей любовницы. Каким-то образом Брайтону удавалось, с одной стороны, поддерживать свою криминальную репутацию, а с другой – сохранять имидж уютного городка, куда приятно сбежать на выходные с любовницей или любовником. По мнению Грейса, эти особенности помогали Брайтону и Хоуву не превратиться в заурядный английский провинциальный курорт. Он включил сигнал поворота и вырубил бортовой компьютер.

«Грассмир-Корт» был многоквартирным домом из красного кирпича, построенным лет тридцать назад в богатом и модном районе Хоува. Фасад выходил на шоссе, сзади располагался теннисный клуб. Средний возраст жильцов колебался между двадцатью пятью и тридцатью пятью годами. В основном здесь жили холостяки, успешно делавшие карьеру, но попадались и молодые обеспеченные пенсионеры. Агентства недвижимости относили жилой комплекс «Грассмир-Корт» к бизнес-классу.

Высокий и лысый, как метеорит, чернокожий Гленн Брэнсон в толстой длинной куртке с капюшоном ждал на крыльце. Когда Грейс подъехал, тот разговаривал по мобильнику. Сейчас он больше походил на наркодельца, чем на легавого. Грейс улыбнулся – внешность коллеги, накачавшего за годы упражнений в тренажерном зале внушительную мускулатуру, напомнила ему слова телеведущего Клайва Джеймса, сказанные об Арни Шварценеггере: презерватив, набитый грецкими орехами.

– Здорово, старичок! – приветствовал его Брэнсон.

– Заткнись, я всего на семь лет старше тебя, – ухмыльнулся Грейс. – Придет время, тебе тоже стукнет тридцать девять, и ты поймешь, что это не смешно.

Они ударили друг друга по ладоням, потом Брэнсон нахмурился:

– Дерьмово выглядишь. Я серьезно!

– Популярность идет не всем.

– Да, но в утренних газетах твою фамилию напечатали такими крупными буквами, что я поневоле ее заметил...

– Как и все остальные жители Земли.

– Знаешь, дружище, все-таки туповат ты для старичка.

– Чего-чего? Туповат?

– Грейс, ты не умнеешь. Продолжай высовываться над бруствером, и однажды тебе снесут башку. Иногда мне кажется, что ты – самый редкостный придурок из всех моих знакомых.

Сержант отпер парадную дверь и распахнул ее.

– Спасибо, ты и впрямь умеешь утешить, – процедил Грейс, входя в подъезд следом за другом. И тут же скривился. Даже с завязанными глазами нетрудно определить, когдаходишь в подъезд стареющего здания. Тот же противный душок вытертых ковров, старой краски, вареной капусты... – Как супруга? – спросил он, пока они дожидались лифта.

– Нормально.

– А ребята?

– Сэмми – классный парень. А Рэми становится настоящей чумой. – Брэнсон нажал кнопку вызова.

– Гленн, все было не так, – помолчав, бросил Грейс. – Газетчики все переврали.

– Знаю, старик, потому что я знаю тебя. А газетчики тебя не знают, но, даже если бы и знали, им было бы на тебя наплевать с высокой колокольни. Им нужны жареные факты, а ты оказался таким олухом, что скормил им лакомый кусочек.

Они вышли из кабины на седьмом этаже. Квартира находилась в конце коридора. Брэнсон отпер дверь.

Квартирка была небольшой: совмещенная гостиная-столовая, узкая кухня с рабочим столом, накрытым тонкой гранитной доской, и круглой раковиной из нержавеющей стали, и две спальни, одну из которых хозяин превратил в кабинет. Там стояли компьютер iMac и письменный стол. Остальную часть кабинета занимали книжные полки, в основном забитые дешевыми изданиями в бумажных обложках.

По сравнению с унылым фасадом и обшарпанной лестницей, изнутри жилище Майкла Харрисона выглядело чисто и современно. Стены выкрашены белой краской с сероватым оттенком, обстановка современная. Видимо, хозяин увлекается японским дизайном. Низкие диваны, скромные гравюры на стенах, телевизор с плоским экраном, под которым стоит DVD-плеер, и замысловатый музыкальный центр с высокими и узкими колонками. В спальне хозяина – незастеленный диван-фуuton, гардероб с красивыми раздвижными дверцами, еще один плоский телевизор и низкие прикроватные тумбочки с современными бра в стиле хай-тек. На полу валялись кроссовки фирмы «Найк».

Грейс и Брэнсон переглянулись.

– Нехилая берлога, – заметил Грейс.

– Ага, – кивнул Брэнсон. – «Жизнь прекрасна».

Грейс удивленно посмотрел на друга.

– Фильм такой, – пояснил тот. – Я пропустил его в кино. Посмотрел по кабельному. Это – что-то с чем-то! Ты его видел?

Грейс покачал головой.

– Действие происходит в концлагере. Папа говорит сыну, что это такая игра. Если они победят, то им подарят настоящий танк. Цепляет покруче «Списка Шиндлера» и «Пианиста».

– Понятия не имею.

– Иногда я думаю, с какой планеты ты прилетел.

Грейс посмотрел на снимок в рамке у кровати. Симпатичный светловолосый молодой человек лет двадцати восьми, в черной футболке и джинсах, обнимал за плечи очень красивую женщину приблизительно его же лет с длинными темными волосами.

- Это он?

- И она. Майкл Харрисон и Эшли Харпер. Красивая парочка, верно?

Грейс кивнул, продолжая разглядывать снимок.

- Они должны были пожениться в субботу. По крайней мере, собирались.

- То есть?

- Если он объявится. Пока что дела обстоят не слишком хорошо.

- Говоришь, его не видели с вечера вторника? - Грейс выглянул в окно. Широкое, мокрое от дождя шоссе было запружено машинами. В пробке медленно лавировал автобус. - Что тебе о нем известно?

- Он местный. Добропорядочный гражданин. Застройщик. Дела идут неплохо. Фирма называется «Дабл-Эм пропертиз». У него есть компаньон по имени Марк Уоррен. Недавно они перестроили сущую развалюху - бывший склад в Шорэмской гавани. Сделали из него тридцатидвухквартирный жилой дом, и все квартиры ушли со свистом еще до окончания строительства. Они в бизнесе уже семь лет, понастроили тут кучу всего - иногда перестраивали, иногда возводили с нуля. А девочка - секретарша Майкла, умница и настоящая красotka.

- По-твоему, он пустился в бега?

Брэнсон покачал головой:

- Вот уж вряд ли.

Грейс взял со столика фотографию и всмотрелся в нее.

- Хм... я бы и сам на такой женился!

- Вот и я о том же. - Грейс нахмурился:

- Извини, я туго соображаю - у меня был трудный день.

- Ты бы на ней женился! Да будь я холостяком... Любой мужик в здравом уме рванул бы за ней на край света, верно?

- Девочка - просто класс.

- Что есть, то есть.

Грейс недоуменно посмотрел на друга.

- Господи, старичок, ты что, теряешь хватку? - притворяясь рассерженным, прорычал Брэнсон. - Совсем мышей не ловишь?

- Может быть, - согласился Грейс. - К чему ты клонишь?

Брэнсон покачал головой:

- Если бы ты должен был в субботу жениться на этой крошке, ты бы пустился в бега?

- Я что, псих?

- А если он не в бегах, то тогда где?

Грейс задумался.

- По телефону ты что-то говорил о мальчишнике - вроде какая-то шутка не удалась...

– Так мне сказала его невеста. Об этом-то я сразу и подумал. Бывает, у друзей жениха разыгрывается фантазия. После того как он не объявился вчера, именно это мне и пришло в голову. Но исчезнуть на два дня?..

– Может, стухнул? Или у него другая?

– Все возможно. Пойдем, я покажу тебе еще кое-что.

Грейс следом за другом вышел в гостиную. Брэнсон уселся за монитор и застучал по клавиатуре. В компьютерах он был докой. Грейс тоже неплохо разбирался в технике и всякого рода приборах, но Брэнсон опережал его на много световых лет.

На экране появилась надпись: «Введите пароль». Брэнсон еще быстрее застучал по клавишам, и через несколько секунд монитор заполнился цифрами.

– Как ты это делаешь? – удивился Грейс. – Откуда у тебя пароль?

Брэнсон с усмешкой покосился на него:

– Никакого пароля не было. Большинство людей видят требование ввести пароль и пытаются его подобрать. Но зачем ему пароль, если он пользуется компьютером в одиночку?

– Я поражен. Ты настоящий компьютерный гений!

Пропустив похвалу мимо ушей, Брэнсон сказал:

– Я хочу, чтобы ты взглянул вот на что.

Грейс послушно уселся перед монитором.

Всего в паре миль от них Марк Уоррен тоже сидел за компьютером. Часы в правом нижнем углу монитора показывали 18.10. Рукава рубашки закатаны, у локтя – забытая чашка капучино с опавшей и сморщенной молочной пенкой. Обычно пустой стол в кабинете, который он делил с Майклом Харрисоном последние семь лет, был завален горами документов.

Фирма «Дабл-Эм пропертиз» занимала четвертый этаж узкого шестиэтажного дома эпохи Регентства неподалеку от брайтонского железнодорожного вокзала. Этот дом был их первым проектом. Не считая рабочего кабинета, на этаже располагались зал для клиентов, небольшая приемная и кухонька. Обстановка современная, функциональная. По стенам развешаны снимки трех гоночных яхт, которыми они с Майклом владели сообща. По виду яхт можно было легко проследить за ростом благосостояния партнеров. Вначале они купили «Николсон-27», затем – судно посolidнее, «Контесса-33», и, наконец, приобрели роскошную «Ойстер-42», с которой в последнее время носились как с писаной торбой.

Стены также украшали и фото их проектов. Пакгауз в Шорэмской гавани, перестроенный в тридцатидвухквартирный жилой дом. Старый приморский отель эпохи Регентства в Кемптауне, переделанный в десятиквартирный дом, и две конюшни на заднем дворе. И последний проект, самый претенциозный: живописный лесной участок площадью в пять акров, где партнеры получили разрешение построить двадцать домов.

После двух бессонных ночей глаза слезились. На секунду оторвавшись от монитора, Марк глянул в окно. Прямо напротив стояли казино и магазин, торгующий уцененными коврами. В солнечные дни отсюда было здорово любоваться, как гуляют по улице хорошенькие девушки. Но сейчас дождь лил не переставая, прохожие спешили по делам, спрятавшись под зонтами или закутавшись в куртки с поднятым воротником и сунув руки в карманы. Однако Марк был не в том настроении, чтобы думать о чем-либо, кроме стоявшей перед ним задачи.

Весь день напролет он каждые несколько минут звонил на мобильник Майклу, но всякий раз натыкался на автоответчик. Если только телефон не выключен или не села батарейка, это означает, что Майкл все еще там. Никто ничего не слышал. Судя по времени аварии, друзья закопали его позавчера, около девяти вечера. Прошло уже сорок пять часов.

Послышалась приглушенная трель городского телефона. Марк снял трубку, стараясь подавить нервную дрожь, за последние двое суток то и дело появлявшуюся в его голосе.

– «Дабл-Эм пропертиз».

– Здравствуйте, – приветствовал его какой-то незнакомый мужчина. – Я звоню насчет строительства в Эшдаун-Филдз. У вас есть проспект или прайс-лист?

– Боюсь, сэр, пока нет, – ответил Марк. – Появятся недели через две. Кое-какая информация есть на нашем интернет-сайте – или вы уже смотрели? Если хотите, представьтесь, и вам перезвонят.

Обычно он испытывал гордость, если кто-то так рано начинал интересоваться строительством, но в данный момент ему было совсем не до продаж.

Марк знал, как важно не терять голову. Он прочитал массу детективов и просмотрел кучу полицейских сериалов. Ловят тех, кто начинает паниковать. Надо сохранять спокойствие.

И продолжать стирать электронные письма.

Входящие. Отправленные. Корзина. Все остальные папки.

Невозможно совсем уничтожить текст электронных писем: они все равно остаются в памяти сервера – где-то там, в киберпространстве. Но уж туда-то никто не догадается заглянуть. Или все-таки догадается?

Он набирал слово за словом, выбрав программу поиска «Ключевые слова». Майкл. Мальчишник. Джош. Пит. Роббо. Люк. Эшли. Планы! Операция «Возмездие»! Он просматривал файлы и удалял все, что нужно. Предусматривая все возможности.

Джош в реанимации, в критическом состоянии – почти наверняка у него серьезно поврежден мозг. Если и выживет, то, скорее всего, останется «овощем». Марк сглотнул подступивший к горлу ком, во рту пересохло. Он знает Джоша с тринадцати лет, они вместе учились в школе «Варндин». Разумеется, и

с Люком, и с Майклом тоже. Пит и Роббо присоединились к их компании позднее – они познакомились на какой-то пьянке в одном брайтонском пабе, когда им было лет по восемнадцать. Как и Марк, Джош был педантичен и честолобив. А вдобавок еще и красавчик. Женщины всегда увивались вокруг него, как и вокруг Майкла. Некоторым все в жизни дается даром, а другие – такие, как он – должны бороться за каждый дюйм. Хотя сейчас он, Марк, еще не стар – ему двадцать восемь, – он достаточно хорошо знает жизнь и понимает, что ничто не вечно. Если запастись терпением, если умеешь ждать, рано или поздно повезет и тебе. Лучшие хищники – самые терпеливые.

Большое впечатление на Марка произвел один документальный телефильм из жизни животных, снятый в Южной Америке, в пещере, где обитают летучие мыши. Какие-то крохотные микроорганизмы питаются пометом этих зверьков на полу пещеры. Личинка съела микроорганизм, жук – личинку, паук – жука, паука – летучая мышь... Идеальная пищевая цепь. Летучая мышь умна; все, что ей нужно, – испражняться и ждать.

Пискнул мобильник. Мать Майкла звонила сегодня уже в третий раз, а вчера – неведомо сколько. Марк, как всегда, отвечал безупречно вежливо и дружелюбно. От Майкла все еще никаких вестей, сообщил он. Ужасно, но он и вправду понятия не имеет, что с ним случилось. Они собирались просто прогуляться по пабам. Он не представляет, где сейчас может быть Майкл.

– А ты не думаешь, что он может быть у другой женщины? – застенчиво спросила Джилл Харрисон своим хриловатым голосом. С ней он всегда неплохо ладил – насколько это было возможно. Ее муж отравился газом до того, как они с Майклом познакомились. Майкл говорил, что его мать после смерти отца ушла в себя – спряталась в раковину, да так там и осталась. Судя по фотографиям, висящим у нее дома, Джилл Харрисон в молодости была настоящей красавицей, такой сногшибательной блондинкой. Но Марк увидел ее уже другой – надломленной, поседевшей раньше времени, с сухой и морщинистой от непрерывного курения кожей.

– Я считаю, все возможно, миссис Харрисон, – ответил Марк и, помедлив, продолжил, тщательно подбирая слова: – Но он обожает Эшли.

– Она прекрасная девушка.

– Да, жаль, что она бросает работу. У нас не было секретарши лучше ее. – Некоторое время он поиграл с мышью, вслепую двигая по экрану курсор. – Но понимаете, иногда спьяну мужчина способен на любые безумные поступки...

И тут же пожалел о своих словах. Ведь Майкл как-то рассказывал ему, что его отец был пьян, когда покончил с собой!

В трубке надолго повисло молчание, а потом Джилл очень тихо сказала:

– По-моему, прошло достаточно много времени, и он уже должен был протрезветь. Майкл – добрый и верный человек. Что бы он ни натворил в пьяном виде, он ни за что не обидит Эшли. Наверное, с ним что-то случилось, иначе он бы обязательно позвонил. Я знаю своего сына. – Она снова помолчала. – Эшли в ужасном состоянии. Ты присмотришь за ней?

– Конечно!

Снова пауза.

– Как Джош?

– Без изменений. Зои все время в больнице. Вот закончу с делами и поеду туда, побуду с ней.

– Ты позвонишь мне сразу, как что-то узнаешь?

– Конечно.

Марк повесил трубку, перевел взгляд на стол, взял какой-то документ и вдруг обратил внимание на предмет, лежащий под ним. Его карманный компьютер!

Уоррена прошиб холодный пот. «Вот черт, – подумал он. – Черт, черт, черт!..»

Расставшись с суперинтендантом Грейсом, Гленн Брэнсон поехал обратно в город на служебном синем «Воксхолле». В салоне воняло дезинфекцией – в прошлый раз, когда машиной пользовались, в ней везли раненого или кого-то вырвало. Он припарковался на своем обычном месте на стоянке за изящным, но внушительным зданием полиции Брайтона, толкнул дверь служебного входа и поднялся по каменной лестнице в кабинет, где сидел вместе с десятком коллег.

Было двадцать минут седьмого. Строго говоря, на этой неделе его смена заканчивалась в шесть, но после налета на наркопритон в понедельник у него была куча бумажной работы, и он добился разрешения задержаться. Да и лишние деньги совсем не помешали бы. Но сегодня он собирался просидеть всего час, до семи. У Эри очередные курсы по самоусовершенствованию. По понедельникам она слушала лекции по английской литературе, по четвергам занималась архитектурой. С тех самых пор как родилась их дочь Рэми, Эри начала психовать из-за того, что ей якобы не хватает образования и она не сможет отвечать на вопросы детей, когда те подрастут.

Хотя почти все мониторы были выключены, порядка ни на одном столе не наблюдалось. Каждый рабочий отсек, как обычно, выглядел так, словно его обитатель покинул его в страшной спешке и вот-вот вернется.

На работе оставались всего двое сослуживцев – высокий и тощий детектив-констебль Ник Николл, трудяга и стремительный футбольный нападающий, и детектив-сержант Белла Мой, тридцати пяти лет, с выразительным личиком, осененным гривой спутанных волос.

Никто не встретил его радостными криками. Он прошел мимо Ника Николла, всецело поглощенного заполнением какой-то анкеты. Поджав губы, словно мальчишка на экзамене, он старательно вписывал шариковой ручкой в пустые клетки печатные буквы. Белла не сводила глаз с монитора компьютера, ее левая рука автоматически таскала драже из коробки на столе и закидывала их в рот. Несмотря на стройную фигуру, она ела больше, чем любое известное Гленну Брэнсону человеческое существо.

Усевшись за стол, он увидел, что на экране, как всегда, мерцает значок «Новое сообщение». Жена Эри, восьмилетний сынишка Сэмми и трехлетняя дочурка Рэми улыбались ему с фотографии в рамочке.

Брэнсон посмотрел на часы. Важно все время следить за временем. Эри взбесится, если он опоздает и ей придется пропустить начало занятий. И потом, ему это нетрудно – он обожал возиться с детишками. Тут зазвонил телефон.

Звонили из приемной. Какая-то женщина ждет его уже больше часа и не уходит. Может, он переговорит с ней? Все остальные заняты.

– А я как будто не занят! – проворчал Гленн, не скрывая раздражения. – Чего она хочет?

– Это насчет аварии во вторник... пропавший жених.

Брэнсон сразу остыл.

– Хорошо. Иду.

Несмотря на бледность, Эшли Харпер во плоти оказалась такой же красоткой, как и на фото в квартире Майкла Харрисона. На ней были дизайнерские джинсы с широким ремнем, с плеча свисала дорогая сумочка. Проводив ее в комнату для допросов, Гленн налил по чашке кофе, закрыл дверь и уселся напротив. Как и все подобные помещения, это было маленьким и лишенным окон, с выкрашенными в тускло-оливковый цвет стенами, пол покрывал немаркий коричневый ковер. Середину комнаты занимали металлические стулья и стол, в воздухе явственно ощущался застоявшийся сигаретный дым.

Эшли поставила сумочку на пол. С бледного личика на сержанта горестно взирали красивые серые глаза в потеках туши. Пряди каштановых волос спадали на лоб и плечи. Ногти у нее были безукоризненные, как будто она явилась сюда прямо из маникюрного салона. Безупречная внешность невесты слегка удивила Брэнсона. Она выглядит просто сногшибательно, – а ведь в такой ситуации люди обычно забывают о внешнем виде.

В то же время Брэнсон знал, как нелегко бывает раскусить женщину. Однажды, когда его брак переживал тяжелые времена, Эри дала ему почитать книгу под названием: «Мужчины – с Марса, женщины – с Венеры». Книга помогла ему более-менее разобраться в отличиях между мужской и женской психологией – однако не до конца.

– А вас нелегко застать, – заявила Эшли, откинув со лба длинную прядь каштановых волос. – Я оставила вам четыре сообщения.

– Да, извините. – Он вскинул руки. – Двое моих подчиненных взяли больничный, а еще двое – в отпуске. Представляю, что вы сейчас чувствуете.

– Неужели? Вы представляете, что я сейчас чувствую? В субботу я должна выйти замуж, а мой жених пропал с вечера вторника! Мы договорились со священником, я должна примерять свадебное платье, приглашено двести человек гостей, присланы свадебные подарки... Нет, вы точно не представляете, что это за кошмар! – По щекам девушки заструились слезы. Она шмыгнула носом и, порывшись в сумочке, достала бумажную салфетку.

– Послушайте, мне очень жаль. Я с самого утра, с тех пор, как мы с вами поговорили, занимаюсь исчезновением вашего... Майкла.

– И что? – Она промокнула глаза.

Брэнсон поболтал в руках стаканчиком с кофе. Еще слишком горячий, чтобы пить. Пусть остынет.

– Боюсь, мне пока нечего вам сообщить. – Это не совсем соответствовало действительности, но Брэнсону хотелось услышать то, что она намеревалась ему сказать.

– Чем конкретно вы занимались?

– Как я говорил вам утром по телефону, обычно, когда кто-то пропадает...

– Да поймите вы, у нас не обычный случай! – перебила его Эшли. – Майкл пропал во вторник вечером. Когда мы с ним не вместе, он звонит мне по пять – десять раз на дню. Прошло уже два дня. Понимаете – целых два дня!

Брэнсон внимательно наблюдал за выражением ее лица – не выдаст ли она себя чем-нибудь? Однако ничего такого не случилось. Перед ним сидела молодая женщина, которой очень хотелось узнать, куда пропал ее любимый. «А может, – мелькнула у сержанта циничная мысль, – она – отличная актриса».

– Послушайте меня, пожалуйста. В общем-то два дня – еще не повод паниковать. Но я согласен с вами – все это выглядит более чем странно.

– С ним что-то случилось, понимаете? Он пропал не так, как другие. Друзья что-то с ним сделали, куда-то его заперли или посадили – не знаю... я... – Девушка опустила голову, словно пытаюсь скрыть слезы, порылась в сумочке, извлекла новую салфетку, промокнула глаза, покачивая головой...

Гленн был тронут. Она понятия ни о чем не имела – значит, никакого разговора пока толком не выйдет.

– Мы делаем все, чтобы найти Майкла, – мягко сказал он.

– Что, например? Что вы делаете?!

Ее горе тут же куда-то исчезло, как будто она носила его, словно вуаль. Потом последовал новый поток слез и горькие, со всхлипами, рыдания.

– Мы обыскали район, примыкающий к месту аварии, наши люди до сих пор там – иногда после автокатастрофы потерпевшие теряют ориентацию в пространстве, и мы обшариваем все вокруг. А сейчас мы объявили полномасштабный розыск. Фото вашего жениха разослано во все полицейские участки. Все аэропорты и морские порты...

– Вы думаете, он пустился в бега? – вновь перебила его Эшли. – Господи! Зачем?

Брэнсон решил применить прием, которому научился у Роя Грейса. Таким образом можно было распознать, лжет человек или нет.

– Что вы сегодня ели на обед? – неожиданно спросил он.

Девушка удивленно уставилась на него:

– Что я сегодня ела на обед?

– Да. – Брэнсон внимательно следил за ее зрачками. Они переместились вправо. Режим памяти!

Мозг человека делится на левое и правое полушария. Одно полушарие – вместилище долгосрочной памяти, а в другом происходят творческие процессы. Когда человеку задают вопрос, его зрачки почти всегда смещаются в сторону полушария, задействованного для ответа. У некоторых памятью заведует правое полушарие, а у некоторых – левое; творческое полушарие – и другое.

Когда человек говорит правду, его зрачки смещаются в сторону полушария памяти; когда он лжет – в сторону творческого. Брэнсон научился распознавать, где у человека какое полушарие. Вначале он задавал простой, так называемый контрольный вопрос, вроде того, что сейчас. В таких случаях лгать незачем.

– Я сегодня вообще не обедала.

Сержант решил, что пора сделать новый ход.

– Мисс Харпер, насколько вы в курсе дел своего жениха?

– Я, знаете ли, полгода была его секретаршей. Едва ли найдется что-то, чего я не знаю.

– Значит, вам известно о его компании на Каймановых островах?

На лице девушки отразилось неподдельное изумление. Зрачки сместились влево. Режим выдумки. Значит, лжет.

– На Каймановых островах?! – переспросила она.

– Он и его партнер... – Помедлив, Брэнсон достал записную книжку и перелистал несколько страниц. – Марк Уоррен. Вам известно, что у них там имеется офшорная компания? «Эйч-Ви пропертиз интернешнл»?

Эшли молча смотрела на сержанта.

– «Эйч-Ви пропертиз интернешнл»?!

– Совершенно верно.

- Нет, я о ней впервые слышу.

Брэнсон кивнул:

- Ладно...

Тон ее голоса едва заметно изменился. Благодаря Рою Грейсу он понимал почему.

- Вы расскажете мне что-нибудь еще?

- А я ничего больше и не знаю. Я надеялся, что вы меня просветите.

Зрачки Эшли вновь на секунду дернулись влево. Опять придумывает!

- Нет, - покачала она головой. - Мне очень жаль, но...

- Возможно, дело яйца выеденного не стоит, - развел руками Брэнсон. - В конце концов, кто не хочет уйти от налогов?

- Майкл человек практичный. И хороший бизнесмен. Но он никогда не делал ничего противозаконного!

- А я этого, мисс Харпер, и не утверждаю. Я просто пытаюсь сказать, что вы, возможно, не до конца знаете человека, за которого выходите замуж. Только и всего.

- Что вы имеете в виду?

Сержант вновь примирительно вскинул руки. Пять минут седьмого. Ему пора.

- Возможно, и ничего, - улыбнулся Брэнсон. - Однако нельзя упускать ни единой зацепки.

Ответной улыбки сержант так и не дождался.

Невероятно захламленный трейлер, где обитал Дэви, стоял вплотную к домику его отца на окраине Льюиса. Из окна виднелся двор, заваленный обломками машин. Дэви смотрел по старенькому телевизору с мигающим изображением американский полицейский сериал «Закон и порядок». Его любимый персонаж – крутой детектив Рейнальдо Кертис, держа за грудки хулигана, сверлил его грозным взглядом.

«Я с тебя не слезу, усек?» – прорычал Рейнальдо.

Дэви, в мешковатых джинсах и бейсболке, повернутой назад козырьком, плюхнулся на продавленный диван и впился зубами в шоколадный батончик «Туинки», которые он каждую неделю заказывал по почте из Штатов.

– Да, подонок! – поддержал он своего кумира. – Я с тебя не слезу, усек?

У ног Дэви на драном линолеуме валялись остатки ужина – бифштекса с жареной картошкой. Впрочем, другого мусора хватало с избытком, – работая на пару с отцом, он тащил к себе все, что попадалось на глаза. Этот хлам почти сплошняком покрывал пол его владений, а также полку и стол.

Рядом лежали останки рации, подобранной пару ночей назад. Дэви все собирался ее починить, но как-то руки не доходили. Он лениво повертел в руках корпус уоки-токи.

Вдоль корпуса тянулась глубокая трещина. От него отвалился большой кусок и выпали две батарейки – он подобрал их с дороги, куда они упали. Он действительно собирался починить рацию, но как-то забыл о ней. С памятью у него и впрямь было неважно – он забывал почти все, не в состоянии удержать это в голове.

Почти все.

Вокруг постоянно творилось нечто для него совершенно бессмысленное. Жизнь напоминала головоломку, где всегда не хватает нескольких фрагментов. Причем важных фрагментов. В настоящий момент перед ним лежала головоломка под названием «рация», состоящая из четырех «фрагментов»: треснувшего корпуса, двух батареек и еще одной штуки вроде крышки.

Дэви доел батончик, облизал обертку и швырнул ее на пол.

– Усек? – повторил он в пустоту. Нагнувшись, поднял пластиковую коробку из-под гамбургера и пальцем подобрал остатки кетчупа. – Да! Я с тебя не слезу, усек?

Он хихикнул. По телевизору шла реклама. Какая-то телекрасотка вкрадчиво толковала о проблемах, связанных с ростом населения.

– Кончай трепаться, крошка! – пробурчал заскучавший Дэви. – Давай-давай, гони обратно сериал.

Однако вместо сериала начался еще один рекламный ролик. По ковру ползал младенец, который почему-то разговаривал басом. Несколько секунд Дэви следил за рекламой. Ерунда какая! Младенец не может разговаривать как взрослый. Потом его внимание переключилось на рацию. Из корпуса торчала телеантенна. Вытянув ее во всю длину, Дэви внимательно осмотрел ее и снова сложил.

– Чпок! – прогундосил он, вновь вытягивая антенну. – Чпок!

Он нацелил ее на экран, как ружье, – как раз в тот момент, когда сериал возобновился.

Дэви посмотрел на новенькие часы, подаренные вчера папой на день рождения. С такими часами клево смотреть автогонки. На них было множество кнопок, цифирок и несколько дисплеев. Он так и не понял, что к чему, так как еще не разобрался с инструкцией. Папа обещал помочь ему прочитать ее, объяснить все трудные слова. К воскресенью ему нужно, чтобы все работало. В воскресенье покажут Гран-при Монако – тут надо подготовиться заранее...

В дверь постучали, и она чуть приоткрылась. На пороге стоял папа в охотничьей шапочке с опущенными ушами, старой ветровке и высоких сапогах.

- Дэви, готовность - пять минут!

- Ой! Сейчас же идет «Закон и порядок». А нельзя через пятнадцать?

Комнату заполнило облако табачного дыма. Дэви увидел красный огонек: папа затыкнулся.

- Если хочешь идти охотиться на кроликов, надо выйти через пять минут. Ты небось уже выучил все до одной серии своего «Закона и порядка» наизусть!

После окончания очередной рекламной паузы сериал продолжился. Дэви поднес палец к губам. Покачивая головой в шутливом отчаянии, Фил Уиллер вышел из комнаты.

- Пять минут, - повторил он, закрывая за собой дверь.

- Десять! - крикнул Дэви ему вслед с американским акцентом. - Компромисс! Усек?

Он переключил внимание на рацию. А круто взять ее с собой на охоту! Изучив гнездо для батареек, он определил, где плюс, а где минус, и вставил их на место. Затем нажал одну из двух кнопок сбоку. Ничего. Он нажал на вторую кнопку и тут же услышал треск.

Дэви поднес рацию к уху и прислушался. Только треск. И вдруг, неожиданно - мужской голос, такой громкий, как будто говоривший находился с ним в одной комнате!

- Алло!

От испуга Дэви уронил рацию на пол.

- Алло! Алло!

Он уставился на коробочку, сияя от радости, но тут в дверь снова постучали, и папа позвал:

- Пошли, я уже взял твое ружье!

Дэви испугался. Что, если папа рассердится, увидев рацию? Ведь ему не разрешалось ничего уносить с места аварии! Дэви сел на корточки и нажал на другую кнопку - он решил, что так говорить безопасно, - и тихо прошипел с американским акцентом:

- Извини, не могу говорить. Он с меня не слезет, усек?

После чего запихнул рацию под кровать и выбежал из комнаты, оставив телевизор включенным. Пусть детектив Рейнальдо Кертис управляется без него!

18

- Эй! Алло! Алло! Алло!

Тишина. И атлас цвета слоновой кости.

- Пожалуйста, помогите!

Всхлипывая, Майкл несколько раз подряд нажал на кнопку «Вызов».

- Пожалуйста, помогите! Прошу вас, пожалуйста!

Но в ответ слышался только треск помех.

Странный какой голос, однако... Как будто плохой актер изображает американского гангстера. Может, это тоже часть розыгрыша? Майкл смахнул соленые слезы вниз, к сухим, потрескавшимся губам. На миг он почувствовал влагу, а затем его язык впитал ее, как промокашка.

Он посмотрел на часы. Без десяти девять. Сколько еще будет продолжаться эта пытка? И как им удастся до сих пор держать все в тайне? Ведь сейчас наверняка Эшли, его мать – да и все остальные! – выпытывают у ребят, куда он пропал. А он валяется здесь уже... уже...

На него накатила новая волна паники. Сейчас без десяти девять, но чего? Вечера или утра?

Совсем недавно был день, так? Он следил, отмеряя час за часом. Неужели он настолько забылся, что пропустил целые сутки? Должно быть, сейчас вечер – сегодняшний вечер, а не завтрашнее утро!

Стало быть, прошло почти сорок восемь часов.

Куда они, мать их, подевались?

Он оперся ладонями о дно гроба и слегка приподнялся вверх. Хотелось растереть онемевшую поясницу. Плечи болели оттого, что он лежал сгорбившись, суставы затекли без движения... и от обезвоживания. По опыту Майкл знал, как опасно долго оставаться без движения и без воды – он ведь не раз выходил в плавание. Головная боль не унималась. Стоило ему надавить большими пальцами на виски, как она на несколько секунд проходила, но, как только он опускал руки, возвращалась с прежней свирепостью.

– Господи, в субботу я женюсь – слышите вы, козлы? Вытащите меня отсюда! – заорал он во всю мощь легких и замолотил кулаками по крышке гроба.

Дебилы! Завтра пятница. Канун свадьбы. Ему нужно получить костюм. Подстричься. В субботу вечером они с Эшли уезжают в свадебное путешествие в Таиланд, а перед отлетом еще столько дел! Ведь они улетают на две недели. Нужно написать свадебную речь.

Парни, завязывайте, мне еще столько всего нужно сделать! Вы уже расквитались со мной, и ладно! Отплатили мне за все мои проделки! Причем с лихвой! Рассчитались за все!

Положив руку на живот, Майкл нашарил фонарик и включил его на несколько драгоценных секунд, экономя батарейку. Ему показалось, что белый атлас стал еще ближе. Когда он смотрел на него в последний раз, крышка вроде бы возвышалась на добрых шесть дюймов, а сейчас – не больше чем на три, как будто гроб медленно и неуклонно уменьшается в размерах.

Майкл схватил дыхательную трубку, болтавшуюся перед лицом, снова прищурился, пытаясь всмотреться в нее, но так ничего и не разглядел. Затем проверил, ту ли кнопку нажимает на рации. Нажал на «Вызов» и заорал во всю мощь. Глухо. Тогда Майкл попробовал кнопку «Прием» и прислушался. Ничего.

– Nada! Ничего! – сказал он вслух. – И жрать нечего! Ни единой долбаной сосиски!

Перед глазами всплыла картина: сковородка на плите в маминой кухне. На сковородке жарятся сосиски, яйца, бекон, помидоры – все шкворчит, шипит, пузырится... Он почти ощущал запах – черт побери! Еще пахло хлебом, жарившимся на соседней сковородке, рядом в банке разогревается фасоль...

– О господи, как же я хочу жрать!

Он постарался не думать о еде и забыть о боли, хотя рези стали такими нестерпимыми, как будто кислота разъедала стенки желудка. В голове, за плотной завесой пульсирующей боли, мелькнули воспоминания из когда-то прочитанной книги – то ли о лягушках, то ли о жабах. Эти твари вынашивали потомство не в матке, а в желудке. По какой-то причине желудочный сок не вредил головастикам.

«Какое чудо должно произойти, чтобы и мы, люди, перестали портить себе желудок?» – внезапно подумал Майкл. Туман перед глазами слегка рассеялся, и в голову полезла всякая чепуха.

Несколько лет назад он читал одну теорию о суточных биоритмах. Все живые организмы на Земле подчиняются двадцатичетырехчасовому циклу. Кроме человека. Наш цикл составляет двадцать пять часов с четвертью. В ходе испытаний людей на несколько недель помещали в темную комнату и не давали часов. И всем испытуемым казалось, что они пробыли в темноте меньше, чем на самом деле.

Великолепно! Я сейчас мог бы стать одним из их долбанных подопытных кроликов!

Во рту так пересохло, что у него слиплись губы, – когда он открыл рот, ему стало так больно, как будто с губ содрали кожу.

Майкл посветил фонариком вверх: канавка, над которой он трудился, все углублялась. Он поднял ременную пряжку и вновь принялся скрести ее уголком крышку гроба. Майкл хорошо разбирался в породах дерева и понял, что крышка изготовлена из тика – едва ли не самой прочной древесины. Приходилось крепко зажмуриваться, чтобы стружка не попала в глаза. Пряжка становилась все горячее и горячее, пока ему, наконец, не пришлось прервать работу, чтобы дать ей немного остыть.

Извини, не могу говорить. Он с меня не слезет, усек?

Майкл нахмурился. Что это еще за придурок болтает с американским акцентом?

Неужели кому-то из них это кажется смешным? Какую лапшу они навешали на уши Эшли? И маме!

Через несколько минут, выбившись из сил, Майкл решил сделать перерыв, хотя понимал, что останавливаться нельзя. От обезвоживания быстрее устаешь. Надо бороться, невзирая на усталость. Как можно скорее выбраться из распроклятого гроба! Выбраться наружу и задать этим придуркам как следует. О, что он с ними сделает!

Майкл царапал крышку еще несколько минут, время от времени больно задевая костяшками пальцев о древесину. Главное – не открывать глаз, чтобы в них не попала мелкая стружка или древесная пыль. Наконец он устал настолько, что работать был больше не в состоянии. Рука бессильно упала, сведенные мышцы шеи расслабились, голова безвольно откинулась назад...

И вконец измученный Майкл заснул.

В тот вечер стемнело необычайно рано. Припарковавшись за автобусной остановкой, Марк выключил мотор и несколько секунд сидел неподвижно. Широкая улица, блестящая от непрекращающегося дождя, была пустынной – машины проезжали лишь изредка. Пешеходов, похоже, не было вообще, – стало быть, его никто не заметит.

Он надвинул бейсболку на глаза, поднял воротник куртки и побежал к подъезду Майкла, внимательно оглядывая все стоящие у дома машины. Не прячется ли кто-нибудь там, в темноте? Майкл всегда уверял, что в делах Марк продумывает все до мелочей. Правда, потом неизменно добавлял: «Но зануда, каких мало», что невероятно бесило компаньона.

С другой стороны, Майкл в общем-то прав. Своим успехом их фирма во многом обязана ему, Марку. А все потому, что черную работу он добровольно взвалил на себя: тщательно проверяет сметы, днюет и ночует на стройплощадке, лично проверяет качество закупаемых материалов, следит за соблюдением сроков и графика работ и просчитывает расходы до последнего пенни... В то время как Майкл полжизни тратит на охоту за юбками и редко принимает что-либо всерьез. Их фирма процветает именно благодаря ему, Марку, – ему одному. Вот только контрольный пакет акций – у Майкла, так уж вышло, что, когда они начинали, у него оказалось больше наличности.

На панели домофона значились сорок две квартиры. Он нажал одну кнопку наугад – главное, чтобы квартира была на другом этаже. Никто не ответил. Он нажал на другую, с табличкой «Маранелло».

Через несколько секунд ему ответил надтреснутый мужской голос с сильным итальянским акцентом:

– Алло? Да! Алло!

– Служба доставки! – выкрикнул Марк.

– Какой еще доставки?

– Почта! «Федерал-экспресс»! Из Америки, для Маранелло.

– Чего? Почта? Я не... мне не...

Однако после короткой паузы послышался писк открывшегося электронного замка.

Марк толкнул дверь, вошел в подъезд и, поднявшись на лифте на седьмой этаж, направился к квартире Майкла. Он знал, что тот хранит запасной ключ под ковриком на случай, если дверь вдруг захлопнется. Однажды такое уже приключилось – когда Майкл зачем-то выскочил в коридор пьяный в стельку да еще нагишом. Пошарив под ковриком, Марк вздохнул с облегчением: ключ был на месте. Простой ключ от йельского замка, весь в пыли.

Тем не менее он на всякий случай позвонил в дверь и некоторое время тихо стоял, озираясь по сторонам. Лишь бы только его не увидел никто из соседей! Повернув ключ в замке, Марк скользнул в прихожую, быстро закрыл дверь за собой и достал из кармана фонарик. Окна квартиры Майкла выходили на улицу, точнее – на фасад жилого дома напротив. Наверное, если включить свет, ничего страшного не произойдет, но Марк старался предусмотреть все до мелочей. Вдруг его кто-нибудь заметит из окна?

Сбросив промокшие куртку и бейсболку, он повесил их на вешалку и замер, прислушиваясь. Нервы ни к черту! Сквозь смежную стену доносились звуки, похожие на марш. Наверное, соседи включили телевизор погромче. Убедившись, что в квартире никого нет, Марк, щелкнув фонариком, приступил к поискам.

Он начал с гостиной-столовой: оглядел груды немытой посуды у раковины, недопитую бутылку кьянти с протолкнутой внутрь пробкой, затем перевел луч на кофейный столик. Стеклянная чаша с торчащей из нее большой обгоревшей свечой... телевизионный пульт... стопка журналов – «GQ», «FHM», «Яхты и парусный спорт»... Рядом мигал красный огонек автоответчика.

Марк прослушал сообщения. Одно из них было оставлено всего около часа назад матерью Майкла.

– Здравствуй, Майкл. – У нее был измученный голос. – Я звоню на всякий случай – вдруг ты вернулся?

Было сообщение и от Эшли – похоже, она звонила откуда-то издалека с мобильного, поскольку связь была неважная.

– Майкл, милый, звоню проверить – вдруг ты дома? Прошу тебя, пожалуйста, перезвони сразу, как появишься! Люблю тебя.

Еще один звонок – из «Бэрклиз-банк»: не желает ли Майкл воспользоваться новой кредитной системой, которую банк вводит для своих клиентов.

Не обнаружив для себя ничего интересного, Марк осмотрел два дивана, стулья и журнальные столики, а затем перешел в кабинет.

На столе перед компьютером: клавиатура, беспроводная мышь, коврик с подсветкой для нее, стеклянное пресс-папье в виде сердца, калькулятор, зарядное устройство для мобильного телефона и высокий черный стакан с ручками и карандашами. Того, что Марк искал, здесь не оказалось. Как и на книжных полках, не говоря уже о неприбранной спальне Майкла.

Черт.

Черт, черт, черт!

Заперев квартиру, Марк спустился по пожарной лестнице и через черный ход вышел на темную автостоянку. «Плохо дело, – подумал он, торопливо шагая по улице. – Очень-очень плохо!»

Через пятнадцать минут его «БМВ-Х5» уже взбирался по пологому склону холма, где располагался огромный комплекс Сассекской окружной больницы. Оставив машину у приемного покоя и обогнув два микроавтобуса «Скорой», дежуривших в ожидании вызова, Марк вошел в ярко освещенный вестибюль, уже знакомый по вчерашнему визиту.

Миновав дюжину взволнованных людей, сидевших на пластиковых стульях под объявлением «Выдача справок о состоянии здоровья – в течение трех часов», он по длинному переходу вышел к лифтам и поднялся на пятый этаж.

Марк направился к двери со светящейся табличкой «Реанимация». В ноздри настойчиво лез запах хлорки и больничной еды. Он завернул за угол и, пройдя мимо автомата с сэндвичами и таксофона под пластиковой полусферой, увидел впереди дежурный пост отделения интенсивной терапии, где сидели две медсестры. Одна разговаривала по телефону, вторая утешала плачущую пожилую женщину.

Войдя в палату, Марк направился в угол, где накануне вечером лежал Джош. Он думал найти здесь Зою, однако вместо нее увидел высохшего старика с седыми космами и ввалившимися пожелтевшими щеками, утыканного трубками капельниц. Возле койки стоял аппарат искусственного дыхания.

Марк поспешно окинул взглядом другие койки, но Джоша здесь не было и в помине. Он пришел в ужас. Что, если парню стало лучше и его перевели в другую палату? Марк опрометью бросился к посту и встал перед висевшей на телефоне медсестрой – бойкой толстушкой лет тридцати, с высокой прической и бейджиком с надписью: «Отделение БИТ. МЭРИГОДД УОТТС, медицинская сестра». Судя по всему, она болтала со своим дружкой.

Марк нетерпеливо ждал, облокотившись о деревянный барьер, и смотрел на множество черно-белых и цветных мониторов. Пару раз он быстро поворачивал голову, надеясь поймать взгляд медсестры, привлечь ее внимание, но ту, казалось, заботит лишь, где она будет ужинать.

– Да, хочется чего-нибудь китайского. Утку по-пекински. Знаешь, где готовят утку по-пекински с блинчиками и... – Наконец, болтушка соизволила обратить на него внимание. – Слушай, мне пора. Я перезвоню. Да, и я тебя люблю. – Она с улыбкой повернулась к Марку: – Слушаю вас! Чем я могу вам помочь?

– Джош Уокер. – Марк махнул рукой в сторону палаты. – Он лежал там... м-м-м... вчера. Скажите, пожалуйста, в какую палату его перевели?

Конец ознакомительного фрагмента.

Сноски

1

Стоун – старинная английская мера массы, равная 6,35 кг.

2

Пол Леонард Ньюман (1925–2008) – известный американский актер.

3

«Бог и мои права» (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/piter-dzheyms/ubiystvenno-prosto>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)